

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Александр БАУРОВ

НОЙОНЫ ЧЕРНЫЙ ДОЖДЬ

Страх — ослепляет!

Современный фантастический боевик (АСТ)

Александр Бауров

Нойоны. Черный дождь

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Бауров А. Ю.

Нойоны. Черный дождь / А. Ю. Бауров — «АСТ»,
2017 — (Современный фантастический боевик (АСТ))

ISBN 978-5-17-101725-5

Вторжение орков в Эрафию провалилось. Войска королевства, вместе с эльфами и воинством белых магов, преследуют врага. В то же время торговая блокада стран Юга делает неизбежным конфликт с Эрафией, тщательно срежиссированный нойонами. Смогут ли новообращенный маг Гримли Фолкин и его друзья остановить заразную атмосферу взаимной ненависти и предотвратить большую войну? Огромные армии, флотилии кораблей, драконы и некроманты, мистические существа самых разных народов готовы пролить кровь на равнинах мира «Меча и Магии».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-101725-5

© Бауров А. Ю., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	37
Глава 5	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Александр Бауров

Черный дождь

© Александр Бауров, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Оформление обложки Айрата Аслямова

* * *

*Ненависть – заразная болезнь.
Авлийская поговорка*

Глава 1

Острова Киликии в море Рос, 200 миль от Карнского побережья. 7-й путь Лун, 989 год н. э.

На борту пиратского флагмана «Золотой череп» было устроено буйное пиршество. Вождь одного из крупнейших киликийских кланов Тан Тон праздновал редкостную удачу. В последние годы ему крупно везло. Он смог разбить главного соперника в пиратской шайке, одноглазого Ларго, и тот бежал в Таталию, как последний трус, отказавшись от схватки. Его дочь и братья погибли в бою с людьми Тан Тона. Узкоглазый пират только что заключил сделку с нойонами, получил свободу к грабежу и пиратству на море. Получил гарантии безопасности от сил Карна, который, будучи сильнейшей *современной* морской державой, давно хотел прижать к ногтю свободных мореплавателей Киликии. Наконец, совсем недавно, Тан Тону привалило сказочное богатство, а всего через пару дней оно должно было удвоиться.

Дело было в том, что на острове Красном пиратский вожак не только заключил сговор с нойонами, посмеялся над Ларго, который глуповато смотрелся на фоне своих таталийских хозяев, но и ввязался в опасную авантюру, сулившую, в случае успеха огромный доход. К его людям, а с Тан Тоном прибыло ещё два отчаянных капитана, подошел слуга из числа приставленных моргулами. Он представился Мозесом Мекелем и заявил, что ему нужно незаметно покинуть остров и перебраться в Карн. За это якобы лорд Куруш должен был заплатить огромные деньги. На вопрос, почему он лично не пошел к Курушу, так же находящемуся здесь, человек лишь загадочно указал на скальный дворец и промолчал. Было ясно, что загадочный Мекель что-то украл у нойонов или их бесчисленных слуг.

Тан Тон понимал, как сильно рискует. Но мысль о том, что ему, возможно, удастся сбить спесь с главного врага пиратства – Карнской империи, не давала ему покоя. Мекель меж тем был очень хитрым, он сразу заявил, что должен прибыть в Карн целым и невредимым. Ведь то, что нужно регенту, у него в голове. Он узнал какую-то нойонскую тайну и хочет её выгодно продать. Глупец, подумал тогда Тан Тон, но такие тайны стоят дорого. Пират решил, и тут ему вновь повезло. В порту личи не только тщательно не обыскали, но и помогли спрятать Мекеля от других мертвецов. Значит, у самих нойонов какой-то разброд, а у Мекеля есть могучие союзники, и после отплытия пират лишь укрепился в своей правоте. Кажется, риск того стоил.

По крайней мере, реакция карнских властей на шантажистское письмо, отправленное им несколько недель назад, очень его удивила. Тан Тон потребовал огромную сумму, сравнимую с десятой частью всех доходов Карнской казны. Он понимал, что такое количество денег привлечет множество стервятников, и потому хотел бросить большую часть команды и уйти с горсткой самых верных людей. Пятьсот тысяч азахарейских динаров и драгоценные камни сложно скрыть как от врагов, так и от друзей. История пиратства подсказывала ему, что когда кто-то из вождей снимал большой куш, его убивали свои же капитаны, вступавшие затем в братоубийственную бойню за богатое наследство.

Тан Тон уже давно присматривался к торговой державе номер один в этой части света – к Азахарее. Хотя формально страна была под прикрытием арагонцев, там не было жесткой религиозной системы, и деньги были самой властью. Там можно было купить всё. Тан Тон планировал купить не только личную безопасность, но главное – уладить дела с законом. Он вернется на материк крупным торговцем и отдаст деньги в рост. Войны магов пройдут, все уляжется, а торговля – торговля вечна!

Тогда Тан Тон, так же, как и многие удачливые пираты в былые годы, уйдет на покой не в этой просоленной робе, среди грязной, засаленной каюты, но в обширном поместье, среди золота и роскоши. Он не будет до конца своих дней ждать арбалетный болт в спину или крюк

с петель от недовольной команды. Тан Тон уже давно стал частым гостем одного богатого дома в приморской Лоции. Там удачливого корсара ждала любовница, воспитывавшая от него девочку. С каждым годом мечты все больше становились явью.

Карн ответил согласием на наглые требования пирата, ещё больше раззадоривая его самолюбие и веру в удачу. В ожидании щедрой награды команда была готова носить его на руках, но сплошная удача не притупила чутье и волчьи повадки Тан Тона. Он понимал, что Карнский регент постарается избавиться от него, чтобы сохранить свою тайну. Ведь Куруш отступал от данной нойонам клятвы, что было куда страшнее расставания с грудой золота, тем более государственного. Потому главарь морских волков запросил выкуп двумя частями, половину авансом, вторую после того, как он отпустит Мекеля с информ-кристаллом. К всеобщему удивлению, карнцы, не торгуясь, пошли на такие уступки.

«Что же там такое внутри?» – думал пират, глядя на солнце сквозь красный камушек информ-кристалла и почесывая сплетенную острой косичкой черную как смоль бороду. Он прекрасно понимал, что ведет опасную игру, но в его возрасте так хотелось рискнуть последний раз.

Итак, вся команда получила половину добычи, значительную часть того богатства, которым Пол Вернон и регент Куруш готовы были рискнуть ради исполнения своего замысла. Мозес Мекель все ещё лежал в трюме, закованный в кандалы.

А Тан Тон держал курс к самому западному из островов Киликии, где их должен был ждать карнский корабль. На всякий случай пират зашил кристалл в свою одежду, а из «обычного» рубина изготовил неотличимую на вид подделку. Когда-то в молодости он работал помощником ювелира в одной из маленьких мастерских Ангкора. Кроме того, в бухте этого острова его ждала небольшая шхуна с лично преданной командой. Свой огромный трехмачтовый барк он намеревался взорвать сразу после того, как начнется дележ добычи. Трюмы были отягощены бочками огненной воды, которой, казалось, было больше, чем пресной. В походах Тан Тон вводил на судне жесткий сухой закон, но после этой дележки все должны были смертельно упиться. Кроме прочего, пират с выгодой спекулировал рабами в Хорде, и несколько прекрасных наложниц ждали своей страшной участи в особом застенке его корабля.

«Золотой череп» прибыл в назначенное место позже, чем хотел капитан. Это было неудивительно, учитывая, что первую половину добычи пираты отмечали почти неделю. У самого острова им встретился дурной знак, скелет прибитого к плоту человека, плавающий по волнам. Так карнцы казнили преступников высокого звания, прибывали к небольшой доске гвоздями и бросали в море на медленную смерть от жажды посреди воды или мучительную от рыб и птиц, объедавших несчастного. Многие заговорили о карнской ловушке, но Тан Тон грубыми речами и бичом успокоил своих вояк. Он-то знал, что мертвец – это сигнал от его людей на маленькой шхуне. Все готово, вожака ждут в известной одному ему бухте, проход к которой скрывался меж корнями гигантских гинговых деревьев.

Все шло по плану. Он успокоил людей и сидя в дорогом, захваченном в Таталии кресле, несуразно смотревшемся в аскетичном быте корабля, смотрел на юго-запад. Узкие карие глаза смкнулись и больше не горели той бешеной яростью, устранившей даже самых отвязных морских разбойников. Он ждал корабль из Ангкора и велел принести дорогого крепкого «дубового» вина со льдом. Стоял теплый южный ветер, черные паруса почти не колебались, и, когда солнце коснулось края гор на полуострове Карна, с юга действительно показался корабль. Но это был не галеон империи, а огромное пепельно-черное судно без парусов, шедшее куда быстрее, чем самые лучшие корабли, виденные Тан Тоном.

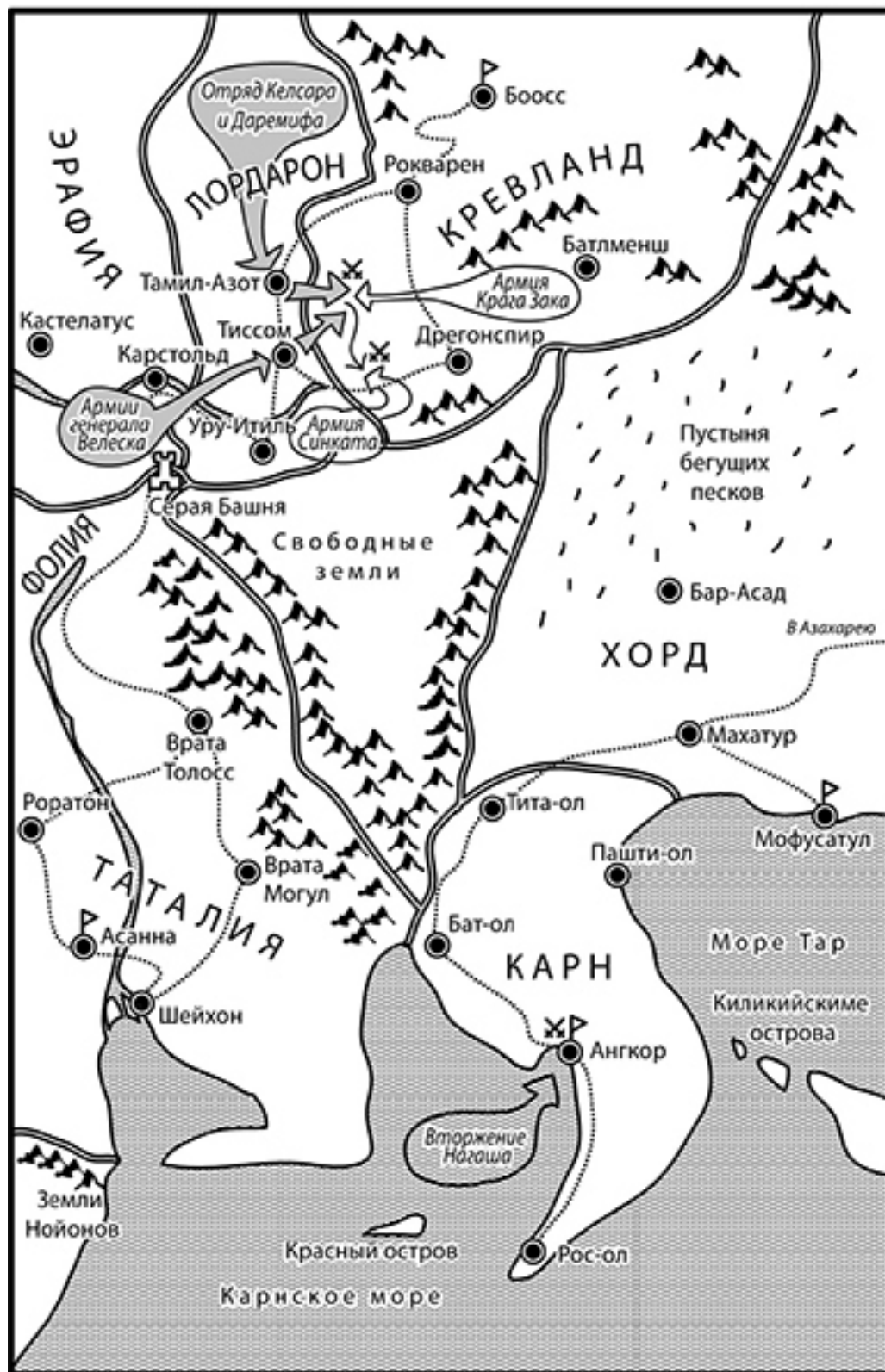
Пираты не сразу поняли, в чем дело. Но вот расслабившийся на миг налысо бритый мужчина встрепенулся, открыл глаза, и бокал с ещё не растаявшим льдом выпал из его рук. Тан Тон мгновенно вскочил и с яростной руганью набросился на замерших в недоумении матросов.

– Ставьте паруса к берегу! Пасть морская! Не сюда, к карнскому берегу правьте, быстрее! Быстрее!

Перед глазами все помутилось, страх заволакивал разум, руки его тряслись. Никогда бандиты не видели своего вожака таким. В отличие от большинства моряков, Тан Тон знал, что это за корабль и почему он оказался здесь. Задыхаясь, вбежал он в свою каюту, перетряхивал ящики, ворохи бумаг, бутылки, какие-то угломерные устройства и, наконец, нашел его – черный массивный шар.

Слова нойоны Вокиала звучали в его голове, сцена на острове не покидала разум. *Самое худшее ждет тех, кто попытается злоумышлять против нас, не уничтожив камень веры. Око Агону неусыпно смотрит за вами.*

– Ясное дело, смотрит, и увидело, разрази его гром! – злился пират. Он обернул шар тряпицей и бросился наверх.

– Они догоняют! – крикнул боцман с загадочной карнской татуировкой и огромной серьгой в ухе.

– Ветер слаб, не развернуться им в траверс!

– Крутитесь, черти! – Тан Тон выбежал на корму и прищурился. Черный корабль шел с огромной скоростью, поднимая за собой могучие волны. Ещё несколько минут, и он настигнет корсарский барк. Пират развернул тряпицу и пригляделся к подарку нойонов, никаких признаков действия магии заметно не было. Шар был цельно черен, чуть прозрачен, что добавляло ему непостижимой притягивающей взор глубины. От него было так сложно отвести взгляд, схожий эффект мог произвести только слиток чистого золота.

Наконец, Тан Тон осилил это испытание и, не касаясь «подарка» голой ладонью, размахнулся и вместе с тряпкой выкинул его в море. Шар взлетел вверх и по дуге упал в воду, как обычный камень. Ни взрыва, ни вспышки не произошло. Тан Тон прикрылся руками и зажмурился, но услышал лишь всплеск да грязную ругань напуганных моряков у себя за спиной.

Ну что же, теперь я чист хотя бы перед этим договором. Вся вина лежит на карнцах, на регенте, я только посредник, так думал пират. Более всего Тан Тона сейчас волновало золото в сундуке под кроватью в его каюте. Как бы уйти с ним, оставив команду отвечать за все случившееся? Пират отчаянно сжимал челюсть, почесывал заплетенную косичкой бороду, придававшую его восточному лицу некоторый мистический шарм. На лбу выступил пот, он ничего не мог сделать – ничего! Оставалось лишь надеяться и верить в удачу.

– Тащи сюда Мекеля, ты – акулья печень! Тащи его сюда, живо! – рявкнул он боцману.

Вскоре раздался звон кандалов. К капитану подвели пленника, человека лет сорока с опухшим лицом и вздувшимися на ногах венами.

– Вот что, Мозес. Я решил... в общем, ты мне больше не нужен, – заявил пират, – твой кристалл я выбросил в море. Так что ты вернешься к своим хозяевам, а мы скажем до свидания Карнскому регенту!

От нервного возбуждения у пиратского капитана даже проявился незначительный восточный акцент, чего с ним не случалось уже много лет. В среде киликийцев было принято говорить на основном карнском или морском диалекте.

Тан Тон ожидал, что Мекель начнет умолять, падать на колени, просить убить его, но не отдавать в руки нойонов. Но тот будто в трансе глядел сквозь пиратского вожака и бормотал одну и ту же фразу: «Всё проходит, и это пройдет». Вдруг пленник рухнул на палубу, резкая боль мгновенно подкосила его.

Ещё на Красном острове Мекель начал подозревать, что ему в тело вживили какого-то паразита. Почему карнцы и маги сумрака не выменяли его сразу?! Зачем эта двойная сделка, зачем могущественный лорд Куруш пошёл на поводу у этого тупого грабителя? – думал он. Боль резко нарастала с приближением нойонского судна.

– Ему плохо уже второй день, может – облегчим страдания? – спросил боцман.

Паруса были подняты и расправлены, но с ветром отчаянно не везло. Черно-серые крылья парусов поднимались и мгновенно опадали, как у придавленной бабочки. Мекеля всего крутило, как от столбняка, боль внутри была неопишуемой. Подбежавший помощник капитана взмахнул саблей.

– Нет, – осадил Тан Тон, – пускай это сделает нежить! Если отдадим его, может, нас отпустят вместе с карнским золотом! – Татуированный боцман понимающе кивнул.

– Что встали, старые собаки, навалитесь! На нижнюю палубу, на веслах пойдем, если ветра не будет. Живо!

И тут произошло что-то невероятное. Ветер резко окончательно стих, и корабль замер как вкопанный, вокруг «Золотого черепа» не было ни одной волны в радиусе сотни ярдов, хотя дальше ветер был. Пираты припали к борту.

– Магия какая-то, – шептались матросы, – проклятая нежить!

Ритц, суровый моргул, ученик самого Каликурга, простер руки на носу корабля и творил заклятие. Полсотни личей и зомби ждали его приказов, готовые к бою.

– Сбавьте скорость, капитан, мы не должны форштевнем протаранить барк. *Он* нам нужен живым, – обратился моргул через астрал к зомби, стоящему у кормы возле мерцающего багровыми рунами рулевого колеса.

Мекель на палубе взвыл так, будто рожал. И, правда, боцман и другие пираты заметили, что из пуповины обнаженного по пояс торговца вылезла какая-то тварь, похожая на мокрицу. Размером с палец, она скользнула по разорванной в лоскуты одежде, упала на палубу и быстро исчезла, скатившись за борт. Мекель перестал дергаться и затих. Тан Тон оторвался от созерцания налетавшего на них гигантского корабля и бросился к пленнику. Он жив, обрадовался пират, ощупав шею торговца. И в ту же секунду корабль нойонов поравнялся с «Золотым черепом». Всех на палубе качнуло, от поднятой волны откатились тяжелые баллисты, попадали бочки. Гребень волны перекатил через борт, обдав команду свежестью и запахом моря.

– Мы ваши союзники и отдадим пленника даром! – крикнул татуированный боцман, замерший подле Тан Тона.

– А они вообще понимают? – спрашивали у капитана простые матросы.

В ответ со стороны нойонского судна полетели черные колья, следом за каждым была нить какого-то блестящего бежевого металла, между такими кольями можно было идти, опираясь на искрящиеся ступени из ауры воздуха – это были магические абордажные лестницы. Личи и зомби рванулись вперед. Ритц, стоявший на носу корабля, теперь на несколько ярдов возвышался над кормой пиратского судна. Раздался скрежет, корабли сблизилась и уперлись бортами. За спиной моргула возвышались помощники телохранители, два блестящих черными латами рыцаря смерти. Три тени разом перемахнули серую кромку перил, спрыгнули на борт пиратского судна.

Палуба даже прогнулась под ними, Ритц сразу заметил Мекеля и пиратского атамана, державшего его за горло. Моргул больше всего опасался, что придется иметь дело с сумеречными магами, у которых могли быть гладиусы. Ему везло, так же, как несколько раньше везло Тан Тону. Карнцев, а именно за их спиной, как полагали в Агону, скрывались беженцы с острова сумрака, тут не было.

На корабле были лишь сами пираты, а значит, можно было завершить дело с минимальными потерями. Есть у Тан Тона камень веры или нет, Ритца не интересовало. Трое истинных нойонов: Моандор, Вокиал и Каликурт дали ему разрешение убить любого, кто встанет между ним и информ-кристаллом Мозеса Мекеля.

Боцман успел только положить руку на эфес сабли... Вытащить оружие ему было не суждено. Кто-то из бежавших по штурмовой лестнице личей вскинул жезл, и зеленый луч со свистящим звуком ударил в грудь, а затем в голову татуированного пирата. Тело боцмана, чадя едкой гарью, повалилось на палубу первым, а дальше люди посыпались, как снопы под серпом хлеботора. Кровавой и жуткой была эта жатва.

Моргул выхватил клинок. Он был не особенно силен в магии, но полагался скорее на мощь совершенного тела и расположение нойонов. Пиратов на корабле было много, в яростном порыве они не хотели расставаться ни с золотом, ни с жизнью. Моряки бросались на личей и зомби с ятаганами и палками, дрались голыми руками и с достойным бесстрашием встречали смерть. Тан Тон узнал Ритца. Моргул в длинном коричневом, развевающемся на вновь налетевшем ветру плаще шел прямо к нему. Два массивных воина в глухих черных доспехах, с огромными глефами наперевес шли у него за спиной и одним ударом насмерть рубили зазевавшихся пиратов. Кровь обильно орошала палубу, стоны и вопли умирающих привлекали голодных птиц. Тан Тон отпустил Мекеля, поднялся и, исподлобья глядя на моргула, поднял руки. Рыцарь смерти опередил своего хозяина и, сорвав с пиратского вожака пояс с серебряной саблей, выкинул его за борт. Мекель открыл глаза и увидел над собой моргула и Тан Тона,

пристально смотрящих друг на друга. Спинай он чувствовал соленую влагу, разлившуюся на палубе.

– Уведите его, – сухо сказал моргул.

Когда Тан Тону заломили руки, повели к абордажной лестнице, Ритц резко схватил за бок пиратского атамана. Тот взвыл от боли. Моргул вырвал клочок одежды, ободрал кожу и, разжав ладонь, увидел то, что искал, небольшой красный камушек. Моргул спрятал информ-кристалл в плаще и рывком поднял с палубы Мекеля.

– С тобой придется говорить серьезнее, и говорить буду не я, понимаешь, – он цокнул языком. Рядом зарубили последнего сопротивлявшегося пирата, и кровь порядочно запачкала одежды моргула. – Вижу, ты понимаешь... – тихо сказал Ритц и, сбросив Мекеля на руки подошедших личей, резким движением убрал меч в ножны. Моргул направился к светящейся полоске абордажного мостика, бросив через плечо: – Сожгите корабль!

Последние солдаты нежити, отступая, полили палубу особой горячей жидкостью и бросили несколько факелов.

Тан Тона держали наверху, на странной палубе. Пират не понимал, что у него под ногами, не то металл, не то камень, было ясно – этот могучий корабль в воде не тонул. Он посмотрел по сторонам. Море уходило до грани горизонта, и солнце творило на волнах этюды в багровых тонах.

Странно, подумал Тан Тон, только что я сидел в кожаном кресле и пил дорогое вино, рассуждал о богатстве и роскоши, а теперь не знаю, как мне *вымолить легкую смерть*. Может... он сплюнул и посмотрел в небо, может, есть Бог?

В этот момент раздался оглушительный взрыв, и корабль нойонов закачался на волнах. Огонь с палубы достиг трюма, где пиратский атаман спрятал мешки огненного песка для баллист и запасы огненной воды. От грозного «Золотого черепа», наводившего ужас на все морские порты от Лоции до Шейхона, осталась лишь горстка обгорелых обломков, меж которых мелькали акулы плавники. Все драгоценности, полученные от правительства Карна, пошли на дно, не принеся никакой пользы их временным обладателям.

Через пару минут после этого взрыва из неприметной бухточки на острове вышла небольшая шхуна под белыми парусами без флагов. К моргулу Ритцу, который лично сопровождал Мекеля в особую камеру, подбежал лич и доложил о происшествии.

– Затопите судно. Это карнские соглядатаи.

В палубе нойонского крейсера открылось широкое отверстие, и оттуда, на изогнутом как лапы огромного насекомого креплении, поднялся кристалл, висевший в мерцающей фиолетовой ауре. Ритц поднялся на капитанский мостик и отдал приказ повторно. Аура, в которой, не касаясь креплений, висел кристалл, вспыхнула, собралась в узкий луч и потоком испепеляющего газа понеслась к шхуне. Вспышка и охваченное огнем судно распалось надвое. Тан Тон сочувственно посмотрел на восток, лич стоял в двух шагах от него, руки были связаны. Может, прыгнуть за борт? Лучше смерть в волнах, чем страх мучительного конца здесь... Через мгновение он одумался. Рыцари смерти взяли его под руки и повели внутрь корабля.

– Курс на юго-запад и не отходите далеко от карнского побережья, все встречающиеся суда считайте враждебными, – командовал моргул.

Стоявший у руля капитан-зомби кивнул, и удовлетворенный моргул направился вниз, чтобы лично допросить пленников и доложить Каликургу об удачной операции.

Тан Тон очнулся, вода все ещё капала ему на голову. Он был зажат в плотных полуживых оковах, обвившихся вокруг металлического столба. Было темно, у входа стоял лич со своим жезлом, мерцавшим ядовитой зеленью. Рассудок пирата мутился, в голове гулким эхом отдавались вопросы Ритца. Кто вам помог на острове Красном? Кто провел Мекеля на корабль?

Кто, кроме лорда Куруша, обещал вам награду? Кто хотел купить у вас камень?! Тан Тон уже жалел, что не покончил собой, когда имел такую возможность.

– Ты или тронешься рассудком, или твои мысли вырвут из головы мои хозяева. Лучше скажи мне правду, и твоя жизнь закончится легко! Иначе ты познаешь такие страдания, какие не описаны даже в «Книге миров».

Ритц связался со своим владыкой Каликургом, тот приказал доставить «трофеи» на остров Красный.

– Я сам отвезу все данные в Агону на Совет, что начнется через несколько дней. Под страхом смерти ты не должен передавать этот кристалл никому, *даже другим нойонам!* – шипел Каликург.

– На горизонте корабль, – вошел в каюту моргула лич, когда экран с изображением нойона угас и рассыпался на облачка стааха.

– Что? – Ритц не расслышал костяного гиганта.

– Корабль на горизонте, то ли поврежден, то ли заброшен... – свистел высоким голосом лич.

На палубе пришлось зажечь магические огни, солнце село несколько часов назад, и только блеклое розовое свечение малой луны прорывалось сквозь облака, застилавшие небо над карнским побережьем.

– Что вы видите? – спросил Ритц своих верных солдат.

Каменные красные глаза лича видели в темноте, как днем. Костяной стрелок вышел вперед к самому борту и приложил ко лбу руку.

– Корабль, трехмачтовый. Скорее всего, карнский, одна мачта упала на палубу. Повсюду следы пожара, парусов нет. Команды тоже не видно.

Этот корабль, что шел навстречу Тан Тону, решил моргул. Его тоже задержали, наверно, кто-то из наших. Кого-то послали дублировать, не доверяют, может, Кальдерон... Ритц терялся в догадках, этот покинутый корабль манил его.

– Курс на «два часа», поверните к нему, – крикнул он вечно не спящему капитану.

Черная тень легла на сумеречные воды. Громада нойонского корабля нависла над карнским фрегатом. Абордажные лестницы полетели с высокого борта. Десяток личей выстроились на палубе по приказу моргула. Ритц стоял мрачный и бледный. Предупреждения Каликурга лезли ему в голову, а здесь ещё этот корабль такой странный, от него по астралу шли еле заметные волны возбуждения. Всюду следы магии, но не от нашего выстрела, что же это?

– Приведите сюда пирата! – указал моргул рыцарю смерти.

Тот ушел, и Ритц все же решил осмотреть корабль, его не покидало странное предчувствие опасности. Послушные приказу личи ринулись вниз. Когда нежить ступила на борт карнского судна, из воды у противоположного борта нойонского крейсера всплыли три тени. Всплыли бесшумно, их никто не видел – взгляды моргула, личей и зомби были прикованы к карнскому судну. Тени вцепились в борт и карабкались вверх по скользким и гладким бортам, двигаться по которым было невозможно даже самому ловкому в мире акробату.

У Тан Тона все плыло перед глазами, было темно. Только магические светильники на высокой корме корабля резали полумрак ярким голубым светом. Криво усмехалась у края моря испещренная бороздами красная луна. Пират увидел бледное лицо моргула и рыцаря смерти у него за спиной.

– Чей это корабль? – спросил его моргул.

«Лазоревая гладь», виднелось на боку название на карнском языке. Именно это судно Тан Тон ждал в месте встречи. Однако некроманты не затопили его. Я не слышал взрывов и звуков боя, как будто он сгорел уже довольно давно, думал пленник.

– Кто это сделал? – ответил он вопросом на вопрос. Ритц молчал.

– О чем тебе говорит этот корабль, название?! Говори! – рыцарь смерти резко схватил за плечо лысого пирата и упер ему в бок широкую острую глефу.

– Это корабль Карна, который должен был забрать Мекеля и доставить половину добычи, – радостно вдыхая холодный морской воздух, ответил Тан Тон.

– Кто должен был явиться на встречу? С кем именно ты вел дела?

– Я не знаю, я уже говорил. Имя только у переговорщика было в столице, мы и раньше сбывали через него нашу добычу. Он военный, зовут его Десмос.

Прежде еле стоящий на ногах узкоглазый пират сейчас будто собрался с силами. Он выпрямился, говорил резким хриплым голосом:

– Да, его звали Десмос!

Ритц прищурился. Десятичасовая пытка водой не выбила из твердого как камень пиратского вожака ни одного имени, и вдруг такая откровенность. Моргул думал о сумеречном маге Малькольме. Нойоны предупреждали, что тот может быть связан с карнцами.

– Тебе когда-нибудь самому было страшно? Или ничего не боишься? – почесывая завитую косичкой бороду, дерзко спросил пират и усмехнулся. Его плоские ноздри раздувались, в глазах сияли безумные огоньки красной луны.

– Похоже, ты мне больше не нужен... – безразлично глядя на карнский фрегат, ответил моргул. Он резко вскинул руку, вырвал пленнику горло. Тан Тон дернулся и с глухим бульканьем повалился набок. Ритц протер руку платком и, сомкав, выбросил его за борт.

– Очистите палубу, – крикнул он нерешительным зомби, и вдруг с карнского корабля послышался раздраженный свистящий вой личей, звуки выстрелов и звон металла. Моргул перегнулся через борт и с удивлением обнаружил, что его разведывательный отряд отступает под натиском неведомо откуда возникших воинов в блестящих доспехах, отделанных серебром.

– Солдаты, сюда! Это ловушка! – вскричал Ритц. У него за спиной раздался треск и грохот, как от удара молнии. Моргула откинуло к боковой постройке, и он чуть не вылетел за борт. Часть бортовых фонарей погасли. В свете оставшихся было видно, как трое воинов, с мечами в руках, преодолели перила противоположного борта и ринулись в центр палубы, разя встречную нежить молниями и разьедающей магией экзорцизма.

– Стража! – К моргулу подбежали телохранители. Лязгая латами, рыцари смерти прикрыли своего господина и выставили перед собой блестящие глефы с широкими лезвиями. Ритц выхватил длинный черный меч, закаленный огнем магии Каликурга. Только другой гладиус мог остановить его.

– Ко мне! Это сумеречные! – Моргул, наконец, понял, что произошло.

– Я узнаю тебя, Ритц-палач, – широкоплечий воин в зеленом плаще протянул руку, и яркая белая вспышка в клочья разорвала первого рыцаря смерти. Отлетевшая глефа поразила случайного зомби и со звоном уткнулась в палубу, задрожав от удара всем древком. На карнском фрегате кипела схватка. Солдаты в серебристых доспехах метали в личей стеклянные шары со святой водой, и те вспыхивали, как сухой хворост. Высокие фигуры бросали посохи, металась по палубе и падали, охваченные ярким голубоватым пламенем. Поднимался противный чадающий дым...

– За мной на корабль! Малькольм ждет нас! – вскричал старший воин с выбитым на золоченом доспехе морским змием, оплетающим землю, – гербом Карнской Империи.

Однако дисциплина нежити даже в критических ситуациях была отменной. Замершие на абордажных лестницах личи выстроились в шеренгу и дали совместный залп.

– Держите удар, поднять щиты! – Элитная гвардия Карна построилась, плотно сомкнув натертые до блеска щиты с напылением особого горного хрусталя. Зеленые лучи уперлись в них, отразились и ушли в стороны. Пораженные собственным огнем солдаты нежити замерли, кто-то из личей полетел в воду. Показались карнские стрелки с арбалетами и эльфийскими

луками. Пропустив несколько магических стрел, личи начали отступать. Рыцари ринулись вперед, скользили на влажной поверхности, падали. У кого-то выстрелом оторвало голову. Стоны и брызжащая из разорванных жил кровь, мертвые объятия и огонь – все смешалось в страшном встречном абордажном сражении.

Ритц понял, что ему противостоят сильные колдуны. Он развернулся и побежал на корму, бросив управление войсками. Лишь там, у главного орудия, у него был шанс. Прикрытый отражающей выстрелы зеленой тогой, маг Малькольм разил противника широкими цепными молниями, рассеивая всякую вставшую на пути нежить. Его ученики забрасывали врага шарами со святой водой. Один из молодых магов пал, пораженный в лицо выстрелом лича. Карнцы уже овладели лестницами и уже лезли вверх на нойонский корабль. Их был впятеро меньше, но внезапность и продуманность засады полностью себя оправдали. Зомби были не готовы к бою и плохо вооружены, они падали под огнем эльфийских луков и ударами посеребренных мечей. Личи оставили носовую часть корабля и готовились к новому сражению на борту собственного судна.

Взбежав на мостик, Ритц оттолкнул капитана в сторону и резко крутанул штурвал. С треском вылетали выдираемые из бортов крюки абордажных лестниц. Громада нойонского крейсера сильно качнулась влево. Карнские рыцари падали в воду, тонули, тяжелые доспехи никому не позволяли спастись. Они знали, на что идут, и рукояти мечей холодели в отчаянно сжатых руках. Лица гвардейцев были перекошены от боли, и вода заливала кричащие о жизни глотки. Изрубленные тела личей повалились в разные стороны, освободив путь на кормовое возвышение, и маг Малькольм ураганом взлетел наверх. Ритц нажал на скрытый за штурвалом рычаг, и изнутри корабля показалось его главное оружие – камень, собирающий энергию машин-двигателей в один узкий луч. Сумеречный маг налетел на моргула и ударил его. Мечи встретились, но Ритц все равно не устоял на ногах и отлетел в сторону, в падении задев штурвал.

Черный борт снова мотнуло в сторону, острый форштевень с силой ударил о карнское судно. Доски и бревна полетели в разные стороны, оба корабля затрясло, как в судороге. Карнские гвардейцы метали на борт нойонского крейсера крючья и зацепки двойники, карабкались вверх, покидая кренящийся на нос, тонущий фрегат.

Ритц вскочил, взмахнул мечом и бросился к сумеречному магу, он был неуязвим к магии и не боялся ни молний, ни экзорцизма. Откуда-то выскочили двое личей – Малькольм отразил выстрел одного, зарубил другого, моргул был рядом, и их мечи вновь сшиблись.

Главное орудие, полностью поднятое изнутри корабля, грозно потрескивало астральной энергией и было готово к действию. Ритц бросился к штурвалу, Малькольм за ним. Он рубанул перед собой, стараясь достать моргула, но лишь сбил с него часть доспеха и снес в крошево часть рулевого колеса. Корабль вновь качнулся и вырвал из карнского судна острый форштевень. Фрегат окончательно разломился и шёл ко дну, но большинство карнских гвардейцев были уже здесь. Не уstraшившись гибели своего судна, карнцы теснили к корме многочисленное, но лишенное руководства воинство нежити.

Ритц ударил Малькольма, постарался вцепиться в горло, но был отброшен на палубу. Сумеречный маг также нанес опасный удар, но его меч, выбитый ловким в защите моргулом, отлетел в сторону. Стоящий рядом лич ногой сбросил его за борт.

Маг сумрака вскочил. В его руках показался искрящийся белый предмет. Яркий, как звезда, сорванная с небосклона. Вновь подбежав к штурвалу, Ритц замер от ужаса, на помощь господину бежали несколько личей.

Яркий зеленый столб света ударил из рук Малькольма. Гладиус – этим оружием чародей мог сокрушить самые сильные чары нойонов. В глазах Ритца играл страх, но моргул не был готов сдаться, он положил руки на рычаги справа от разрубленного штурвала, и камень

на подъемной платформе вспыхнул ярче прежнего. Теперь его мишень определялась рукой моргула, стоящего у управления. Личи вскинули жезлы.

– Ты умрешь! – вскричал Ритц и отдал астральный приказ. Подобно истинным магам в центре концентратора, моргул привлекал себе на службу силы, много превосходящие его собственные.

Узкий фиолетовый луч ударил и, казалось, испепелил сумеречного. Вся палуба озарилась ярчайшей вспышкой. Малькольм не стал отражать слабые лучи личей, и один из них ранил мага, но гладиус встал на пути у разрушительного главного орудия нойонского крейсера. Вокруг светового лезвия гладиуса возникла сферическая вспышка, она росла, яркая и белая. Это был «щит Анора» – могучее древнее арагонское заклятие.

Вся мощь нойонского судна отразилась в сторону, а луч уперся в нос корабля. Раздался оглушительный взрыв, и огромная часть палубы по правому борту обуглилась и провалилась внутрь. Внешняя сторона с лязгом и шипением сползала в воду.

Весь корабль дернулся, сражавшиеся в рукопашной личи и рыцари Карна упали, покатились по палубе. Ритц тоже не устоял на ногах. Малькольм в два прыжка подскочил к опоре и одним взмахом гладиуса перерубил её так резко, что брызги металла окропили всю корму. Личи бросились на него, продолжая стрелять, но уже ничего не могли сделать.

Обрушившийся с подобной паучьей лапе энергетической подпорки кристалл-собираатель упал на покосившуюся палубу, покатился и со страшной силой врезался в борт. Огромный сверкающий фиолетовый камень пробил ограждение и полетел в воду. Ритц вскочил, он видел, как под ударами мага его стражи падают один за другим. Шансов победить нет, и корабль, судя по всему, стремительно набирает воду. Но возможность спасения ещё была – моргул мог задерживать дыхание на многие десятки минут безо всякой магии. В воде ещё можно было скрыться от яростной мести карнцев. Он побежал по палубе так быстро, как только мог. Бежать было легко, под откос. Весь корабль трещал и кренился на правый борт. Малькольм отрубил серые костистые руки, отбросил с дороги последнего лича и тут заметил, что моргул спасается бегством. Никакой магией остановить его было нельзя. Решение само пришло ему в голову, как и мысль о том, что раз моргул бросает корабль, значит, кристалл все ещё с ним.

Ритц бежал, краем глаза заметил темные силуэты кораблей, показавшиеся на западе. Они шли под парусами.

Я даже не послал сигнал бедствия, в ужасе подумал Ритц. Нас даже искать не сразу начнут! Тут перед ним, на краю накрененной палубы прямо из воздуха возник Малькольм с гладиусом в руке. Только что сумеречный маг сражался у противоположного борта, но телепорт был мгновенным и роковым. Моргул даже не успел защититься – уклониться от мгновенного удара было невозможно. Ритц увидел светящееся лезвие прямо перед собой, все ближе, совсем рядом, потом шипение, странная отдаленная боль. Его глаза так и остались открыты. Словами с губ сорвалась последняя мысль – холодно, как холодно...

Свет гладиуса погас, лезвие исчезло, а следом и рукоять была скрыта в укромные ножны. Малькольм подхватил осевшее тело моргула, не дав тому кувырнуться через перила. Через всю грудь к основанию шеи тянулась сквозная рана, шириной в пол-ладони. Её края запеклись, как у жареного мяса, насаженного на шампур. Малькольм действовал так быстро и резко, что испугался, ведь он мог случайно сжечь бесценный кристалл. Но нет, он оказался там, где и ожидалось, в кожаном кармане Ритца. Единство униформы зачастую играет против нойонов, подумал чародей.

Без предводителя личи были дезорганизованы и не могли оказать достойного сопротивления. Малькольм с учеником разили нежить молниями, гвардейцы засыпали арбалетными болтами и эльфийскими стрелами. Скоро сопротивление команды крейсера было подавлено. Заметив далеко на горизонте корабли, маг сумрака велел дать сигнал, и, озарив морскую гладь яркими вспышками, три эльфийские стрелы с ровным интервалом ушли вверх.

– Наши корабли на горизонте! – крикнул кто-то из рыцарей.

– Поскорее бы, эта громадина тонет! – указал Малькольму старший из гвардейцев Десмос Миридий, выходец из Азахареи. Массивный, с тонкой талией и широкими плечами рыцарь был дважды ранен, но казалось, не замечал этого. Малькольм утер кровь с левой щеки, куда ему попал меткий лич.

– Я вижу, Десмос. Сколько у вас осталось людей?

– Человек пятнадцать, нет, семнадцать, половина ранены.

– Соберите всех здесь, на корме. Я вниз, надо найти Мекеля, может, он ещё жив...

Малькольм создал перед собой светящееся облачко и следом за ним бросился в черное нутро корабля. Его не пугали попрятавшиеся слуги Ритца. Маг изгнал трех личей, бежал и искал, на полу чувствовалась вода, она была повсюду в трюме, света уже нигде не было. Он решил подниматься наверх, идя к корме. Магические машины, приводящие в движение нойонский крейсер, встали и уже не гудели. Кругом было темно, холодно, журчала быстро прибывающая вода. Он включил все свои сенсоры, чувствовал самое тихое дыхание, всё живое. Кроме убегающих с писком крыс тут было ещё одно существо – человек, но его жизнь стремительно угасала. Уходя от преследовавшей по пятам воды, Малькольм поднялся на последний уровень ниже палубы и нашел эту камеру. Зрелище внутри было ужасно. Мекель был привязан к какому-то столу живыми держателями, продуктом Терминаса. На теле зияла широкая рана, на полу блестел в матовом свете облачка перепачканный топор с длинной деревянной рукоятью.

– Мозес – я ещё могу? – бросился к нему Малькольм.

– П-позже, – прошептал пленник, – вы нашли кристалл?

– Да, вот он! – показал чародей.

– Как вам удалось разгадать их засаду? Они убили Тан Тона и всех пиратов, меня везли обратно к хозяевам. Когда ваши солдаты были рядом, приставленный моргулом зомби сделал свое дело...

Вдруг лицо умирающего переменялось, он перешел с шепота почти на крик:

– Предупредите других! Дас хотел предупредить, но его убили и моего брата. Они готовят страшное злодеяние, все там, на кристалле! Дас нам ничего не объяснил! Глупо... я пытался продать... и лишь теперь вижу, какова была цена тайны... – Мекель мотнул головой и затих. Из уголков его рта скатилась тонкая маслянистая красная струйка.

Малькольм видел, что не может его спасти, лишь поддержать жизнь ценой страшных мучений. Ему все лез в глаза окровавленный топор с зазубринами кровоспуска на лезвии. Маг затрясся от ярости, выхватил гладиус и в ярости перерубил живые путы, державшие Мекеля, потом испепелил оружие приговора. Тело пленника покачнулось, корабль продолжал набирать крен, и стол вместе с телом пришел в движение. Малькольм подхватил его на руки и молча вынес на палубу по накренившейся скрипящей лестнице.

Все рыцари-гвардейцы Карна, несмотря на раны, согнули колени и обнажили головы, когда маг сумрака произносил прощальную речь. Стоя на краю палубы, Малькольм отпустил тело, и оно, удерживаемое астральной рукой, плавно опустилось в воду, чуть полежало и пошло ко дну с широко раскинутыми руками.

– Ты доблестно прошел свой путь, и мы не омрачим твоей памяти забвением. Мы доведем его дело до конца, – воскликнул он, воздев руки к небу.

В этот миг из-под воды ударил поток света. Яркий столб так и стоял, приманивая рыб и кальмаров из морских глубин, указывал путь Карнскому флоту.

– Это тело Мекеля, он святой! – вскричали люди.

Малькольм присел на перекошенные перила тонущего судна и закрыл лицо руками. Он все-таки решился, теперь нойоны *никогда* не простят его, впереди страшная схватка. Битва за

свободу, за саму жизнь огромного числа людей. Какая ответственность! Но руки мага были тверды, мысли чисты как никогда. По крайней мере, он больше не сомневался.

Когда суда Карна уже были в десятках миль к западу, стремясь в течение суток поспеть в порт Роз-Ол, свет, бивший с того места, где покоилось тело Мозеса Мекеля, затрепетал и погас. Корма нойонского крейсера окончательно скрылась под водой. Тело Ритца соскользнуло с бортовых перил и, скребя палубу мертвыми руками, моргул полетел в черную бездну, чтобы стать пищей моллюсков и отвратительных глубоководных рыб.

* * *

Моандор и Нагаш о чем-то беседовали в башне разведки Агону. Нойонам следовало принять решение о противостоянии с Арагоном. Покой двух владык внезапно посмел нарушить моргул Дракис.

– Учитель, вы просили донести, если кто-то не явится. От Каликурга дурные вести, его корабль пропал...

Глаза Моандора были полны холодным желтым блеском:

– Настрой мне связь с Красным островом!

– Может, сказать *ему*? – выждав мгновение, спросил Нагаш. – Думаю, поймет. Он не очень-то ценил Ритца...

– Чем меньше они знают, тем в большей мы безопасности. До начала совета ничего предпринимать не будем, – заявил хозяин Колдсоула.

Глава 2

Святылище мага Солмира, где-то в восточной Авлии. 8-й путь Лун, 989 год н. э.

Гримли проснулся со странным ощущением, будто спит на голой земле, столь резко обвалился его сон. Проклятье, не помню, что снилось, даже с колдунами такое бывает. Какая-то вода, ужас тонущего человека, свет столбом, черный корабль набирающий воду, тонущий гигантский корабль...

Все тело била дрожь. Он потянулся, встал и, выпив какой-то загадочной жидкости, на вкус вроде жирного молока с сахаром, вышел из своей комнаты. Уже почти месяц провел здесь Гримли, вернее, *надеялся*, что только месяц. Пара старых домов и арены между ними, вот и все небольшое селение. Кроме молодого ученика, тут жили лишь несколько гремлинов и два золотых голема, поддерживавших порядок в этой затерянной среди Авлийских лесов обители.

Забрав его сюда из самого центра ссоры с эрафийскими генералами, Солмир не только спас ему жизнь, но в первую очередь хотел успеть сделать главное. Успеть научить юношу хотя бы немногому из того, что знал сам. Успеть, пока конфликт с нойонами не перешел в решающую фазу.

Солмир хорошо помнил о пророчестве и боялся его. Ведь в нем говорилось, что Арагон будет висеть на волоске, значит, огромное нынешнее преимущество Белых Магов может оказаться самообманом. Этот парень наверняка тот единственный или как минимум очень сильный колдун, которого нельзя отпускать в свободное плавание в нынешнее лихое время.

Было видно, что юноша владел навыками рукопашного боя – этому его учить как раз не приходилось, да и вообще любую боевую магию он схватывал на лету. Гораздо сложнее магу-дипломату было отвечать на его вопросы. Объяснять действия Белого круга, нойонов и просто отдельных деятелей истории, которыми тот все больше интересовался.

К счастью, Гримли был легко обучаем. Солмир ещё не знал, хорошо это или плохо, но парень легко поддавался такому действию магии, как *চার্য*. Возможно, это объяснялось его чувством к Адель или его серьезным возрастом и жизненным опытом. Все же выявлять, обучать магов стоило с пяти-шести лет, а не в двадцать три года. На тренировке не сложно было так зачаровать парня, что он терял представление о времени и усталости. Только одна мысль была в его голове и настойчивостью своей она настораживала мага, мысль об Аделаиде.

Вот и сейчас Солмир заранее почувствовал, что молодой ученик спешит к нему, и голова Гримли кипит от вопросов и гнева. Он ещё не умеет должным образом контролировать эмоции, вздохнул маг. Вообще сейчас было не время для урока, Солмира ждали несколько каналов астральной связи. С ним хотели поговорить маг Ранкх из Валтары и эльф-разведчик Алагар из Рейхавена. Но голоса издалека запаздывали, а Гримли Фолкин был уже здесь, бодр, но как-то внутренне расстроен. В руках юноша держал тонкий свиток из очень плохой серой бумаги.

Солмир сидел в кресле под прозрачным потолком из ауры воздуха. Стены в этом зале, как узкие опоры, подпирали *ничто*, возвышаясь над округлым основанием шириной в десять ярдов. Там, где не было стен, магия воздуха создавала то фронтальные окна под самый свод, то отверстия дверей. Ни зной, ни ветер, ни снег снаружи не проникали сюда. Гримли уже знал волшебное слово, открывавшее доступ в святая святых этого места – залу связи, где обычно пребывал маг.

– Ты хочешь утруждать себя занятиями вопреки рекомендованной медитации? – Солмир улыбнулся, и морщинки смешно сжались в уголках широкого рта. – Ты запомнил, что нужно чувствовать астрал более чутко и дальше? Это залог успеха в любом начинании.

– У меня сейчас не магия на уме, учитель. Вы мне обещали рассказать о том, что творится в Эрафии. О том, что произошло с моими друзьями, – юноша чуть покраснел, – с Аделаидой.

Это место опутано такой аурой, я ничего не вижу снаружи, но кое-что мне удалось узнать, несмотря на все препятствия!

– А почему ты не обратился ко мне раньше? – Маг видел лист в кулаке за спиной Гримли и уже знал, что там написано. Так громко и неосмотрительно думал его ученик.

– Вы помогаете Эрафии громить Лордарон, а войска Велеска, вместо наступления на врага, устроили карательный рейд против собственного населения, – юноша протянул вперед свернутый трубочкой листок. – Я приказал одному гремлину стащить это в ближайшем селении людей. Его отсутствия никто не заметил, у меня уже неплохо получается управлять этими тварями и големами, но объясните мне, наконец...

Устав от долгой речи без перерыва, Гримли на минуту смолк, обошел небольшой фонтанчик с эликсиром здоровья, омыл в нем руки и сел на отодвинутое от круглого каменного стола кресло.

– Я прошу вас, учитель, объясните! Почему вы при всем вашем могуществе, при всей мудрости позволяете королю, хорошо, даже не Эдрику, но канцлеру и его прихвостням, герцогам и баронам, грабить свою страну? Унижать народ, измываться над населением, над всеми, кто им не принадлежит! Своими же людьми они торгуют как курами, как вещами. Где же свет вашей мудрости?

Солмир видел его распаленный яростью рассудок, но в отличие от былых времен теперь это никак не сказывалось на астрале, все было тихо и мирно. Парень научился сдерживать внешнюю часть эмоций. Научился носить внешнюю маску, пришла пора учить его внутренней.

– А чего бы хотел ты? Как, по-твоему, мы должны были поступить?

– Вы... – Гримли смутился на миг, он чувствовал ловушку в уверенном тоне мага, но все же решился. – Арагон должен потребовать от короля свободу для всех людей. Отмены права покупать и продавать людей вместе с землей безвозмездно. Пусть рыцари ищут другой хлеб! Пусть покровительствуют торговле, охраняют караваны вместо наемников, а не обирают крестьян. Пусть исчезнет ужасный орден Фавела, который погряз в мздоимстве, разврате, их безудержной алчности нет предела! Король и канцлер сильно от них зависят, сделайте свободными самих правителей Эрафии!

– А если бароны и герцоги с этим не согласятся, что тогда? – сдвинув брови и смеясь в бороду, спросил Солмир.

– Тогда вы покараете их.

– То есть уничтожить, да?

– Да, если они не уступят! Но они трусливы и верят церкви, покажите гнев, и они согласятся, устрешенные! – Гримли попался, ему на миг показалось, что он и вправду может уговорить мага Света. Он говорил с задором и живостью, вкладываясь в каждое слово.

– Но если мы убьем их, то пустующие замки займут новые рыцари.

– Откуда им взяться?

– Ну, мы уничтожим самых сильных и жестоких, думаешь, более слабые – более благородны? Полагаешь, их собственное место не займут выходцы из ремесленников и крестьян? Посмотри, разогнав орден Фавела, мы получим тех же людей с теми же пороками и недостатками, но не вместе, а порознь. Каждый из них, особенно склонный к жестокости, обделенный ранее, обиженный, но не стойкий характером будет жаждать мести, начнет использовать магию для подчинения других. Каждый из них в свою очередь станет предметом охоты со стороны Темного круга, который, как ты понимаешь, мы разогнать не в силах, пока не в силах...

Солмир был даже рад серьезности вопросов, что ставил юноша. Он *умеет сомневаться*, это огромное достижение. Хорошо, что он не достался Теодору, думал маг.

– Но ведь им объявлена война, вы их уничтожите! – спорил Гримли.

– Начать войну и победить – это две разные вещи. Да будет тебе известно, что ещё ни одна война в истории не заканчивалась так, как планировали её зачинщики. Тебе это ни о чем не говорит?

– Ну, разве только об осторожности! У нойонов нет шансов, вы же учили меня, что их силы в десять раз уступают вашим. Раньше им помогала лишь неприступность их древних цитаделей, так пишут в ваших книгах!

– Не верь всему, что пишут. В особенности о нас!

– Я...

Гримли уже сомневался, что может найти достойные аргументы. Он осознавал, с кем говорил. Как сложно возражать магу, подбирать слова, проклятие...

– Но вы ведь можете, можете почти всё! Почему вы не влияете на короля этих рыцарей, других?! Вы можете заставить их быть лучше, добрее к своим подданным!

– Увы, именно этого мы и не можем. – Маг задумался и смотрел куда-то за спину Гримли, за окно из ауры воздуха. Там вдаль шумел лес, но звуки сюда не проникали.

– Смотри, – Солмир махнул рукой. Перед ними появился цветок, он возник прямо из воздуха, в горшочке, и невесомая лейка из какого-то темного легкого стекла. Она сама взлетела и полила растение. На нем в тот же миг появились цветы, все происходило очень быстро. Гримли едва успевал следить в астрале за действиями мага.

– Вот, налицо забота, цветок поливают, и видишь, он расцвел бурным цветом. Вот появились пчелы, они выются около цветов, собирают мед. Ты не согласен с тем, что цветок растет, пчелы работают, а трутни едят все просто так? Ты предлагаешь нам убить трутней, но пчелы *сами* вырастят новых. А у нас в руках только лейка, больше ничего, мы можем лить!

При этих словах мага вода стала литься быстрее и больше, но тут цветок на глазах стал хиреть, чахнуть. Вскоре стебли распухли от влаги, он подломился и стал просто комком гниющих остатков. В мутной луже, которой стала кадка, плавали пчелы. Они умерли от голода вместе с трутнями.

– Как видишь, лучше людям не станет. Мы не можем заставить людей жить так, как надо, – Солмир пристально посмотрел на Гримли. – Мы не можем объяснить людям, как правильно жить потому, что *сами не знаем, как правильно*. Каждый человек живет так, как знает, а мы, как я надеюсь, ты понимаешь – уже давно не люди. Ответственность, знания, магия и власть – изменили нас. Когда-то давно мы были людьми, но сейчас уже нет, и, когда поймешь, ты согласишься, что есть путь лучше человеческого удела.

– Я вас не понимаю.

– Знаю, за один урок не понять того, что приходит с жизнью.

– Скажите, как вы стали магом?

– Ты имеешь в виду, сколько мне лет?

– Ну и это тоже, я просто хочу понять. Вы же очень древние, вы же всегда дрались с нойонами. И вот вы говорите так, будто совсем *недавно* были человеком. Я хочу знать правду, истину!

– Так правду или истину?

– Это одно и то же...

– Нет. Правда это твой взгляд на факты. Правда это всегда оценка. А истина это то, что было.

– Почему то, что было?

– Потому что все, что есть – иллюзия...

– Астрал отображает то, что есть!

– Видишь, как он зыбок? Настоящего практически не существует. Я отвечу на твой вопрос, – Солмир посмотрел в глаза Гримли. Вдруг мага что-то кольнуло, кто-то прибывал в святилище.

– Вы ждете гостя?

– Нет, я никого не жду, однако ещё никто не называл меня негостеприимным. – Белый маг улыбнулся и тут же заметил то, что укрылось от взора Гримли. Он почувствовал собрание Темного круга. Колоссальный сгусток темного течения астрала. Да, это, вероятно, их Совет, интересно, они нас так же чувствуют или лучше?

Однако Гримли недаром провел столько времени в тренировках и изучении магических текстов.

– Вы думаете о нойонах?

Искорки в глазах старика все же выдали изумление – да, ты спрашивал о том, как я стал магом и, сам того не понимая, спросил об одной из важнейших тайн нашего братства. Узнать её, значит, ступить на наш путь, готов ли ты принять это? Для меня это всего пара фраз, но ты уже не сможешь остаться прежним.

– Я пришел сюда, чтобы знать правду, – с обидой, встав и покрутив в руках бесполезную теперь лейку, ответил Гримли.

– Мне сто двадцать два года, и я *чувствую* себя старым. Это сложно понять тебе, но я именно *чувствую* это и не боюсь смерти. Боюсь только не успеть сделать все задуманное. Поэтому ты стал моим учеником. Ты, наверное, думаешь о церкви Велеса. Ведь там о нас говорят как о вечных защитниках людей. Объяснюсь, имена наши и, правда, легенда. Прошла вторая война стихий, самая кровавая и жестокая, когда армии под руководством нойона Сандро сожгли Эф-Полар, древнюю столицу людей, и их государство распалось. До этого люди ещё догадывались, что мы смертны. После случившегося мы решили, что церковь лучшее средство для контроля над новыми магами, которые рождались постоянно. Я даже сейчас сказал «мы», хотя тогда не родились ни мой дед, ни прадед. Ты видишь моё имя на этом посохе?

Маг притянул к себе свой магический жезл, стоявший у стола, на котором мерцало голографическое отображение святилища и окрестностей. Он покрутил посох пару раз и передал в руки Гримли. Юноша заметил на середине древнеэрафийские руны, там было написано «Солмир».

– Когда-то это означало «дипломат», – продолжил маг, – имен основателей Светлого круга, кроме Эй-джей-Дая и некоторых других, павших в битвах с нойонами, история не сохранила. Остались лишь имена *тех*, кто пожинал плоды их побед.

– То есть, – дерзко прервал мага Гримли, – вы не участвовали в третьей войне и вообще ни в одной из войн стихий, ни разу не бились с нойонами лицом к лицу?

– Нет, почему же, мы сто раз срывали их планы. Многие из нас, например, маг Теодор, бились с истинными нойонами, теми самыми нойонами, что уцелели после стольких конфликтов. Я лично никогда не сталкивался с ними в бою, только вел переговоры, ведь я... – Солмир усмехнулся, – ...все-таки дипломат. Но думаю, случись такое, что не мне пришлось бы вступить в поединок с *истинными*, я бы точно знал, что не отступлюсь и не побегу.

Гримли был шокирован, всё то, что с малых лет вдавливали ему, вдавливали повсюду: в церкви, в рассказах, в легендах и сказках – всё миф и обман. Образ несокрушимых и мудрых защитников людей померк, и вместо него появлялся образ клики изощренных колдунов-лицедеев, которым власть над людьми была много дороже самих людей. На словах непримиримые борцы с тьмой, они тайно вели с нойонами переговоры, делили сферы влияния, сговаривались и предавали все то, во что люди верили, ослепленные блеском религиозных догм...

– Не очень приятно слышать все это. Да и рассказывать, поверь, тоже, – Солмир пересел поближе к Гримли и оперся на посох, – но попытайся понять, я и другие маги хотим людям только лучшего. Если мы их и обманываем, как тебе кажется, так только для их же блага. Это лучше, чем быть обманутыми нойонами. Их ложь о бессмертии много опаснее!

– А боги, Велес, они существуют?

– Богов нет. А под Велесом сейчас понимают ту непонятную, внешнюю к этому миру субстанцию, которая наполнила силой править астралом группу людей, почти тысячу лет назад, – сухо ответил маг.

Глаза Гримли расширились – и это обман. Нет ничего святого – вся религия ложь! А все остальные, и Марк, Илирвен, Толин, Лазарен, да и сам король – не более чем обманутые, блуждающие в потемках собственного незнания. Солмир меж тем продолжал:

– Велес, если тебе угодно так это называть, или творец в эльфийских преданиях, посетил этот мир и наделил людей силой к магии, потому что в то же время другой столь же загадочный персонаж, Хаид, придал эти способности людям юга и создал нойонов. Вероятно, Хаид хотел уравнивать в бессмертии людей и эльфов, которые в те стародавние времена правили миром. Велес же желал, чтобы этот мир перестал быть ловушкой для душ, чтобы все были смертны. Точных описаний у нас нет. Так как сами древние маги и нойоны в те времена не обладали такими устройствами, как астральные глаза, информ-кристаллы, проигрыватели голограмм, повсюду доступные сегодня...

– В Эрафии не ни одного, – хмурился Гримли.

– Поэтому так сложно сказать, кем они были, Хаид и Велес. Суть – просто зачинщики, те, кто начал эту игру. Видимо, они так могущественны, что легко путешествуют между мирами. Может, сейчас, если для них такой термин может использоваться, их уже нет. Возможно, мы для них уже ничего не значим. Хотя это так же спорно, как и то, что ждет нас за гранью смерти. Ведь неизвестность это суть и есть страх. А знание – сила!

– И власть, – подытожил Гримли. Его лицо пошло краской.

– Да, и власть, конечно. Ты считаешь, что мы ошибаемся, не говоря людям правды. Не раскрываем им глаза на прошлое...

– Да!

– Я не могу тебя убедить, только время сделает это...

Маг замолчал, казалось, он сказал больше, чем хотел в начале этого разговора, но теперь назад хода не было... Картина на информационном столике замигала, к святилищу северо-запада летел золотой дракон.

– Кто-то из Совета Правды нуждается в нашей помощи, – указал маг, – ты хотел мне что-то показать?

Улыбаясь и чуть прищурившись, будто он плохо видел, Солмир отпил из стакана с дымящейся прозрачной жидкостью, взял посох и подошел к столу, приказав системам защиты пропустить гостя. Он почувствовал – это Алагар, глава разведки эльфов.

Гримли ещё минуту молча смотрел на мага, который, казалось, забыл о юноше, погружившись в свои думы над голографическим столом. Солмир творил магию связи с кем-то в Арагоне, в астрале, то и дело поглядывая на него. Потом ученик встал и молча развернул перед чародеем смятый лист.

Бумага притушила голограмму изображения. Это был рукописный листок обращения к жителям Кастелатуса и окрестностей. Такие обычно зачитывали на площадях заезжие глашатаи.

«Вставайте, братья, пришло время порвать путы рабства!» Далее за призывом следовал рассказ о карательной акции генерала Велеска, огнем и мечом усмирявшего восток страны. Тысячи крестьян, которые после нашествия орков отказались возвращаться в свои дома к бывшим хозяевам, были найдены и возвращены силой. Отряды повстанцев были разбиты всюду, но нанесли, по словам обращавшихся, тяжелый урон «ненавистным рыцарям-грабителям и насильникам в сутанах ордена».

– Сейчас, в канун войны с нойонами, смотрите, что делает король! – осуждающе громко крикнул Фолкин. В нем била ярость. Ох, если бы он был там. Он бы им показал, этим самодовольным сытым деспотам, где их место, но по воле рока, и Солмира, он теперь здесь.

– Приказ Велеску дал не король, а канцлер, что не снимает ответственности с Эдрика, – рассуждал вслух Солмир.

– Он виновен, его брат никогда бы так не поступил! – Гримли переполняла гордость за свои слова, он может влиять на судьбу Эрафии, может склонять имя короля перед теми, кто много выше и могущественнее Грифонхатов! Воистину происходят чудеса, ведь ещё три года назад он был нищим пасынком кузнеца Тома Фолкина из Бренна. Как быстро течет время...

– Но увы и к сожалению для повстанцев, я не могу лично вмешаться в судьбу Эрафии и приказывать королю. Это против наших собственных правил. Ему уже дали понять, что с освобождением крестьян больше тянуть нельзя. Посуди сам, мотивы Эдрика очевидны. Его со всех сторон окружают рыцари, дворяне, высшие прелаты церкви и лишь некоторые купцы, торговцы высокого уровня, главы гильдий понимают, что освобождение нужно всем. Однако пока эти силы в меньшинстве. Сила за рыцарством, и король, увы, не так свободен в выборе, как хотелось бы. Целостность Эрафии или свобода людей – он выбирает первое, и возможно сейчас он прав. Когда через несколько недель силы Белого круга займут центр страны и подготовят крепкий тыл перед нойонскими ордами. Когда большая часть ленников короля уйдут в поход на юг и встретятся с силами нежити лицом к лицу, тогда мы напомним королю о его обещании. Он будет нуждаться в поддержке *всего народа*. В бою с настоящим врагом рыцари сильно ослабнут. За спиной Грифонхатов открыто встанет один из нас. Полагаю, мне удастся договориться о роспуске ордена Фавела сразу после решающего поражения нойонов. Затем освободить крестьян. Всего несколько месяцев...

Юноша потупился.

– Раньше не выйдет! Я не могу обещать тебе ничего большего. Это не в моих и не в твоих интересах, Гримли...

– Люди погибают, а мы медлим...

– Почти всегда в жизни человека наступает момент, когда чем-то приходится жертвовать, чтобы выиграть большее. Когда рискуешь тем, что твое, рискуешь собой – это нелегко. А рисковать жизнями других людей порядочному человеку ещё сложнее! И все же иногда надо идти даже на это! Вижу, как ты хочешь быть там, хочешь помогать Коллендилу, Джебе и другим, тем людям сопротивления, о которых мне говорил. Но ты должен понять и, я вижу, *уже понимаешь*, – вкрадчиво продолжал чародей, – твое обучение здесь *куда более важная задача*. Возможно, самая важная из всех. Они, эти люди, там – в болотах и лесах погибают сейчас, ради того, чтобы ты продолжал обучение! Чтобы ты стал мощным и сильным чародеем. Стал тем, кто сможет защитить весь мир от нойонской угрозы!

– Мне очень трудно и сложно понять то, что вы говорите. Мне больно вас слышать!

Гримли встал и подошел к окну. Его пальцы коснулись ауры воздуха, и она как жидкость обволокла руку. Гримли продвинулся дальше, рвал струи астральной вязкости, и вот его пальцы проникли наружу. Там моросил редкий в этих предгорных местах летний дождь. Ладонь не скоро набралась водой, но когда это произошло, юноша резко втянул руку назад и выпил дождевой воды.

Странно, заметил Солмир, аура прибежища не отреагировала на нарушение целостности здания. Мальчишка угрожает побегом? – подумал он про себя, но Гримли ответил вслух:

– Это не сложно после тех опытов, которые мы тренировали всю эту неделю. Я научился делать зеркала и вставки ауры в свое тело. Сейчас я ввел в руку воздушную прослойку, и поэтому ваша защита не сработала!

– Я вижу, обучение идет тебе впрок, – маг весело рассмеялся, притянул к себе кресло и сел в него.

– Мне нужно поговорить кое с кем наедине. Иди к себе, тренируйся и не пренебрегай медитацией. Но учти, через три-четыре дня я устрою тебе настоящий экзамен и не только в твоём любимом фехтовании, но и во всех остальных дисциплинах. Особое внимание удели

сокрушению нежити, в прошлый раз все твои силы были растрчены попусту. Результат явно того не стоил. Ну, давай! – Солмир похлопал его по плечу, а сам зорко следил за приближающейся, заметной сквозь рваные серые облака точкой.

– Главе разведки придется подождать меня несколько минут, – заявил Солмир старшему золотому голему, когда Гримли уже покинул комнату мага.

Голем, не дрогнув, отрапортовал:

– Дракона накормить, гостя в приемные покои. Еду для эльфов, все как обычно?

Солмир кивнул. Опираясь на посох, маг пошел обратно в зал связи, в свою «воздушную капеллу», как он называл. Сейчас он до конца задал те параметры, от которых его отвлек юный ученик. Вскоре астральная картина прояснилась. Но ждать все равно пришлось.

Меднолицый голем заявил, что мага-воина Ранкха нет в покоях Валтары, но его ждут с минуты на минуту. За окном Солмир видел, как Алагар и его телохранители-друиды раскладывались перед стражей. Было видно, как вздымались чешуйчатые бока дракона, утомленного долгим перелетом. Струи дождя бились и стекали по золотой коже.

Солмир ждал, его взгляд блуждал по фигурам эльфов и остановился на лысой голове Алагара с черным пучком волос.

Алагар – тот ли он, за кого себя выдает? Понимает ли, что делает и чем рискует, приехав сюда...

От этих тяжких мыслей его отвлек поддерживавший контакт голем связи в Валтаре.

– Ранкх в башне! Он будет здесь через несколько мгновений, светлейший владыка!

Интересно, с кем он там говорит сейчас? Никогда прежде в руководстве Арагона не было таких напряженных отношений, такого уровня недоверия и подозрительности. Слишком многие знали о возможном предательстве. Солмир откинулся в кресле. Он был суров и сосредоточен.

Юго-восточная Эрафия, граница с Таталией. 8-й путь Лун, 989 год н. э.

Лазарен с небольшим отрядом продвигался по густому еловому лесу. Вечерело, слегка потрескивали закрепленные факелы, тени всадников искажались и трепетали на широких мшистых стволах. Сплошь опытные и бывалые воины – его спутники с редкой осторожностью и вниманием выбирали свой путь. На то было много причин.

Во-первых, где-то неподалеку бродили крупные отряды из рассеянных орочьих орд Крага Хака. Миновав последний военный разъезд королевской армии и не встретив ни одного таталийского патруля, разведчики направлялись к месту, называемому «Серой Башней». Уже не раз они встречали одиноких уруков, но брать их в плен времени у Лазарена не было. Орков разоружали и отпускали, у нескольких нашлись эрафийские деньги, которые рыцарь в своем лице вернул королевской казне.

Миссию их признали крайне важной, по крайней мере, такими словам его напутствовал глава тайной службы Эй-Той. Из всего отряда только сам Лазарен знал, что именно предстояло сделать. Он знал, что за два мешка были перекинута через круп его заводной лошади, привязанной за уздцы к его седлу. Бедному животному было нелегко нести эту ношу. Правда, звонкое побрякивание и бытовая догадливость его воинов быстро выдали королевскую тайну – они везли два мешка золота самородками и монетами. Огромная сумма, которую запросила охотница за головами Шива, удивила даже опытного Оллина Эй-Тоя. Как ни был он раздосадован, но все-таки был вынужден проситься на аудиенцию к самому Эдрику III. Глава разведки, несмотря на возраст, считался опытным царедворцем и смог выбить необходимые средства, даже с излишком, несмотря на прижимистость вернувшегося из северного путешествия монарха. Эдрика больше всего волновали расходы на организацию «великого южного похода». Совет не расходился, заседаая сутками. Мысль войти в историю, стать тем правителем, при котором окончательно будет истреблено нойонское семя, не покидала Короля.

Но армия собиралась плохо, свободные крестьяне не поддавались на призывы королевских зазывал и уговоры священников. Ремесленники городов открыто говорили: с нойонами будут воевать титаны Арагона, а наши генералы едут Фолию да Таталию делить. Нам ничего не достанется, работы не будет, не будет денег, да и страшно в атаку идти. Рыцарство, на словах готовое идти за королем в огонь и в воду, сейчас как-то разом притихло. Кроме кадровых военных и чиновников, двор почти опустел. До Эдрика доходили недобрые слухи. Его брат Катберт, а к мнению бывшего монарха прислушивались все, на одном из собраний сказал ему прямым текстом: рыцари и дворянское ополчение не соберутся, пока не будут уверены, что в их отсутствие крестьяне не начнут повсеместного мятежа и захвата земли.

Ситуация на востоке страны, где ползучий мятеж крестьянского неповиновения то горел, то затухал под ударами Велеска, ясно говорила – вопрос назрел. Эдрик поделился с братом тем, что в Валтаре белые обязали его отпустить крестьян, после разгрома основных сил нойонов. К его удивлению, Катберт был полностью на стороне магов и эльфов.

– Но мы останемся без опоры престола? Кто будет реальной силой на местах, в провинциях, верной только нам?!

– Лучше остаться без рыцарства, чем погибнуть вместе с ними! – возразил Катберт.

– Если будет крупное восстание, то даже здесь, в Энрофе, мы будем в опасности. Помни, нойоны ещё не разбиты, они всегда тщательно наблюдают за своими соседями, как зверь за жертвой. Если мы сохраним эту опасную ситуацию надолго, они постараются использовать недовольство, обратив гнев людей на царствующий дом. Выдвинут зазывал, народных вождей – и противостоять им будет ещё сложнее. Король, не верящий в свой народ, не любящий его – правит недолго. С нами должно быть большинство, а по поводу территории – взгляни на Таталию!

– Что ты имеешь в виду? – Эдрику никогда не нравилось восхищение брата республиканским строем страны, регулярно принимающей сторону нойонов.

– Я о наемной армии. Нам нужна не гвардия для охраны наших замков и дворцов, а полноценная армия. У генералов Оррина и Энаксимена есть удачный опыт вербовки почти двадцати тысяч солдат, набранных из деревень и ремесленных кварталов южных городов. Они принципиально отказались набирать крестьян из центра, востока и запада. Если же разрешить части освобождаемых крестьян за получение участка земли прослужить в армии лет десять, с последующей пожизненной выплатой, мы получим сразу многие выгоды. Успокоим крестьян, получим могучий, верный только нам противовес рыцарству и их кнехтам, если они будут требовать с казны слишком большие компенсации за землю.

– Да, ты не поверишь, брат. Канцлер день назад говорил мне то же самое, – отвечал Эдрик.

Вот в такой ситуации пришел к королю Эй-Той, просить пятьдесят тысяч циллингов. Только что от его величества вышли крупнейшие столичные торговцы, купцы и ростовщики. Лишь они, да ещё церковь Велеса чувствовали себя уверенно в условиях надвигающейся бури – их интересы во многом совпадали, все требовали скорейшей войны с наименьшими потерями. Некоторые энрофские торговцы были даже рады вторжению из Кревланда. Несмотря на потери торговых путей, караванов и складов, столичные воротилы блестяще наживались на растущей мобилизации страны.

Они вежливо раскланялись с Эй-Тоем и даже поздоровались с Лазареном в общем зале, где без своего владыки толпился разный ушлый придворный сброд. Это были высокородные, но сильно обедневшие дворяне и чиновники, Лазарен презирал подавляющее большинство присутствующих. Его жизнь была полна событий, риска и опасностей. Он не мог понять, как можно всю жизнь просидеть на диване или простоять в королевском приемном зале, кланяться,

здороваться с другими представителями такой же «говорящей мебели» и ничего больше не сделать, вообще ничего – воистину лучше сразу умереть.

Итак, купцы, поравнявшись с Оллином, гордо и громко, чтобы слышали придворные сплетники и доносчики канцлера, заявили:

– Миллион циллингов отдаст купечество Энрофа на борьбу с нойонской тьмой! Все видят, мы никогда ранее не были так щедры. Ещё бы, даже в убытки влезает, но для короля и его армии все отдадим! – потрянул бородой представитель меховой торговли.

Да, подумал про себя Эй-Той, вы многое дадите, чтобы получить Фолию и Таталию, как рынки для ваших товаров. Неповрежденные, не сожженные – готовые покупать. Вот чего вы и хотите, а не разгрома Нойонской тьмы.

– Как настроение его величества? – согласно этикету поинтересовался глава разведки.

– Очень хорошее, он рад тому, что предстоит. Государя во всем поддерживают его брат и канцлер, армия собирается. Его величество очень бодр и хорошо выглядит! Воистину, посетивший Валтару рождается заново, что и о вас можно сказать!

Купцы расшаркались и пошли к своим знакомым из придворных, а ободрившийся Эй-Той, со свитком в руках, поклонился королевской страже и заявил, что ему назначено.

Разговор с королем, к удивлению главы разведки, прошел очень легко. Более всего разведчика поразила реакция канцлера. Эй-Той не ожидал этого – ни охрана, ни торговцы не предупредили его, но в малом зале королевского совета вместе с Эдриком находился и герцог Рууд. Эдгар был будто рад его визиту. Они с королем обсуждали будущую военную кампанию и сразу сбили заготовленную Эй-Тоем речь, засыпав вопросами о внешней разведке.

– Что происходит в Таталии и Фолии? Правда ли, что Карн занял нейтральную позицию и там обосновались уцелевшие сумеречные? Можно ли сделать Карн союзником в грядущем конфликте?

Эй-Той отвечал, как мог, стараясь не разгласить при канцлере того, что полагалось лишь для королевских ушей. Лишь в самом конце он вернулся к тому, о чем хотел говорить, направляясь во дворец.

Когда король спросил о целях операции, Эй-Той, улыбаясь и глядя на канцлера, лишь назвал имя кривландского короля Гирда и передал королю свиток. Рууд с маской безразличия отошел к столу. Пара бритых монахов в белых сутанах – защитников короля переглянулись. Эдрик пробежал текст глазами и заявил, что это огромная сумма.

Эй-Той хотел сказать, что это поможет нам, наконец, вычислить предателя в Белом круге, но вместо этого заявил:

– Это все равно очень выгодно. Нам нужен свой человек в Кривланде после свержения Крага Хака. А после спасения Гирд будет наш. Эльфы его бросили, и к ним он не вернется. Мы сможем управлять значительной частью страны варваров, возможно, лучшими торговыми путями на восток...

Он пристально посмотрел на канцлера. Король после недолгих раздумий все подписал.

– А наши союзники не обидятся, узнав об этом? – с прищуром, как бы шутя, спросил Рууд.

– Нет, Эдгар, они понимают, что это мы и Арагон сокрушили хребет Крагу Хаку в полях под Карстольдом и Кастелатусом. Теперь будет справедливо нам посадить в Бооссе своего ставленника, и пускай это будет Гирд, у него есть сторонники и связи. Если же на каменном троне возникнет генерал Тазар или этот дикарь Брудерлинген – у нас будут новые трудности.

Король оставил свиток с описанием операции у себя и подписал запрос в государственную казну. Выйдя из зала, Эй-Той для глаз непосвященного выглядел как крупный вельможа, добившийся желаемого из рук владыки, но на деле разведчик был напряжен. Уже у себя, во дворце тайной службы, он объяснил Лазарену причину своих опасений – Рууд может запросто сорвать операцию. Неважно, предатель он или просто служака с личной неприязнью. Может,

он просто видит в Эй-Тое кандидата на свое место. А кресло Рууда шатается, канцлер не мог разрешить серьезные проблемы с крестьянскими мятежами, да и вообще за время его болезни все его бывшие и нынешние противники при дворе серьезно усилились.

– Понимаешь, Лазарен, он не простит мне не только расследование, но и многое другое: спасение Гримли Фолкина, противодействие ордену, выступление против Мартинсона.

– Да, но мы можем скрыть и изменить планы. Шива верит только мне, она ни с кем больше говорить не станет!

– Я понимаю, Лазарен, но не забывайте о конфликте с нойонами, это может все осложнить, может случиться, что мы долго не увидимся. Я, честно говоря, недоволен всей этой бравадой о скорой победе. Нойоны не дураки – сами в драку не полезут, если не будут рассчитывать на победу.

– Я согласен, – кивнул Лазарен, – вы говорили его величеству о своих опасениях?

– Нет, сейчас не время. У короля много других забот. Просто помни, деньги будут у нас, пока ты будешь в пути. Войска белых достигнут Лордарона, как раз когда ты будешь на месте, у аванпоста «Серая Башня», а значит, и нежить придет в движение. Я сделаю все, чтобы изобличить канцлера, кто-то из нас потеряет пост, а может, и жизнь, либо я – либо он.

– Уж лучше он, сэр!

– Конечно, – усмехнулся Эй-Той, – ладно, вечером я вызову тебя, когда встречусь в казначействе, и постарайся сделать это дело. Я очень, очень сильно рассчитываю на тебя!

Они обнялись, и хотя это было ещё не прощание, но в памяти Лазарена этот разговор остался надолго.

Пока глава разведки давал своему агенту последние наставления, в зале королевского совета шло обсуждение военной кампании. Король сидел в кругу генералов. Отсутствовал только Велеск Катон, которого отозвали из Восточной провинции, но он все равно на заседание не успевал. Пока Эдрик выслушивал доклады о планах боевых действий на территории потенциально враждебной Таталии, канцлер Рууд встал и обошел стол, подойдя к тому месту, где лежали ещё не отнесенные слугами в личные покои короля бумаги. Среди них был и свиток, оставленный главой разведки.

– Кстати, план операции одобрен канцлером, – доложил генерал Оррин, руководитель южной армии.

Король оторвался от бумаг и посмотрел на Рууда. Герцог на другом конце стола рылся в бумагах и грыз виноград. Так они могут подумать, что слово Эдгара решающее, и он слишком много знает, а в Арагон-то со мной не поехал, думал король. Эдрик пропустил похвалу Оррина мимо ушей и больше в течение дня ни разу не обратился к канцлеру за публичным советом.

Рууд спокойно прочитал до конца записку Эй-Тоя и почти молча просидел за столом всю концовку заседания, только отпустил пару едких шуток о ком-то из придворных. Никто не видел, но канцлер записал на шелковой салфетке имя, столь часто упоминающееся в докладе – Тойранад.

Тойранад, кто же это? – думал герцог по возвращении в канцлерский дворец, когда план раздела Таталии уже был утвержден.

Рууд вызвал Мартинсона и велел немедленно выяснить в архивах ордена, что это за личность. Сам святой отец тоже был не в силах вспомнить этого господина.

– Какой-то варвар, поймите, канцлер, я старый человек, – оправдывался Карлос, – кстати, вы слышали последние новости?

– Какие новости, тут любая новость может быть последней, – мрачно пошутил Рууд.

– Консульство Фолии окончательно закрылось, консул и служащие выехали в Эджвотер. У них явно есть осведомители при дворе.

– Они рассчитывают на помощь нойонов, стоящих за спиной, но совершенно напрасно, – высокомерно заметил канцлер.

– А что Эй-Той думает по этому поводу? Это ведь у него голова должна болеть, не у нас? – канцлер расслабленно развалился в кресле и вертел на пальце кольцо черного камня.

– Эй-Той весь день сидел в казначействе, он решил, кажется, забрать все деньги у Норманна, – усмехнулся Мартинсон.

– Норманн Хиггс не даст ему ни одного лишнего пенни, – растянул рот в улыбке канцлер. – Но вы продолжайте внимательно следить за ним. Сейчас у нас вроде «перемирие», но он порвет его при первой возможности. Эй-Той хочет оправдать Ростера, и не допустить этого ваша главная задача.

– Здоровье бывшего канцлера сильно пошатнулось за время заключения, если он не доживет до своего оправдания, это все воспримут как достойный уход... – церковник растянулся в скользкой ухмылке.

– Пока не стоит торопить события.

– Да, кстати, – уже в дверях заметил магистр ордена, – я подумал, вам будет полезно знать. В Энроф прибыла Аделаида Торнтон, бывшая фаворитка принцессы. Поселилась где-то в ремесленном квартале, как говорят, хочет вернуться в свет и ко двору. Представляете, сразу вслед за братом – блудная семья! А вернуться она может. Королева Анна здесь, а девчонка всегда пользовалась её благосклонностью.

– Известно, что она хочет рассказать королю? – приподнял брови Рууд.

– Нет, наверное, что-то о своем женихе-колдуне...

– А-а-а. Тогда ясно. Я тоже слышал эту прескверную историю с Велеском. Но руки Арагона сильнее наших, тут мы бессильны. По докладам эльфийских командиров, юношу забрали белые маги. Что же, туда ему и дорога. Они бы так и так его забрали. В ордене или на свободе. Как видите их, мало заботит его личная жизнь. Но на всякий случай, – после паузы закончил Рууд, – проследите за ней.

– Уже устроено, – Мартинсон поклонился и вышел.

Герцог ещё некоторое время сидел без движения, а потом встал, подошел к своему ларчику и приказал замершему у дверей Фошу никого не пускать, будь это сам король.

Канцлер открыл ларец и извлек оттуда черный тяжелый камень-передатчик и мешочек стааха.

Глава 3

Граница Авлии и Кревланда, плато Камолло. То же время

Тот, чье имя в тот вечер не давало покоя канцлеру Рууду, находился за тысячи миль от него и ждал гостя. Эльф в некогда темно-зеленом, посеревшем от вечной дороги плаще стоял на откосе горной тропы и смотрел на юг. За спиной возвышались ледяные пики Великого хребта, впереди раскинулось иссеченное ущельями и горными речушками безлесное нагромождение скал. Аляповато разбросанные на сотни миль к югу, они образовывали плато Камолло – пустынную местность, названную в честь диких горцев, обитавших в этих краях. Они не подчинялись королю Боосса и не платили ему дань, лишь изредка участвуя в общекревландских походах, если те обещали богатую добычу. Сами камоллы разводили коз и баранов, охотились на гигантских grossов и горных птиц. Говорили, в этих местах остались последние гнезда диких грифонов, не прирученных людьми. Тойранад всматривался вдаль, обозревая реальность и мир астрала. Крошечный отряд из пяти человек ждал его в пещере за перевалом, куда вела узкая каменистая дорога у него за спиной. Как все вокруг неприветливо – эти голые скалы, мох и лишайник, жалкие чахлые деревца и ветер, пронизывающий до костей. Эльф плотнее закутался в свой плащ. Не заходящее по три месяца в году солнце белым, негреющим шаром висело над ним. За спиной радуга бликов играла на снежных склонах.

Эльф ждал важного гостя. Того, кто десять лет назад направил его в Кревланд с рискованной миссией.

И вот – астрал всколыхнулся. К нему приближался могучий чародей. Но тот ли это, кого он ожидал? У Тойранада не было возможности разобраться, зоркий глаз различал приближающуюся по небу точку – всадника на летающем коне. Огромная астральная сила стояла за ним. Но опытный разведчик знал, что сейчас и собственным глазам нельзя верить. Приближался некто, и если это не тот, кого он ждал, то все могло закончиться весьма плачевно. Тойранад знал, что на родине, за первыми героическими описаниями его спасения, уже слышались голоса о вреде его действий в стране варваров. Его уже начали подозревать.

Эльф отошел от посыпанного битым камнем откоса дороги, заканчивавшегося отвесным провалом, и, завернувшись в свой плащ с головой, стал творить заклятие. Его одежда в какой-то миг перестала колыхаться на сильном ветру. Цвет её сливался теперь со скалами и камнями вокруг. Через пару секунд вместо представителя торговой федерации Авлии Тойранада за крупным валуном стояла статуя, которая, казалось, была высечена здесь ещё в Сингмарскую эпоху сотни лет назад.

Пегас приближался. Эльфы-воины, что ждали своего предводителя на высшей точке перевала, видели, что это белый маг, и, приученные к покою и смирению, перед лицом арагонцев не решились спуститься и узнать, чем закончится разговор их командира с северным владыкой.

Копыта пегаса коснулись камней и песка дороги, не подняв ни облачка, так же бесшумно спустился на землю и всадник в серой хламиде с капюшоном, надвинутым на самые глаза. Он сам казался ожившим изваянием древнего сингмарского языческого бога. Гость подошел к краю пропасти, поглядел вниз, вдаль, обратно на коня, великолепного белого с яркими серебристо-белыми крыльями. Пегас безукоризненно слушался хозяина, и казалось, сам вглядывался ему в лицо большими маслянисто-черными добрыми глазами. Но увидеть лицо всадника было невозможно. Из-под серой рясы шло тусклое свечение, и проглядывались лишь общие человеческие черты. Долго смотреть на эту «маску Света» было нельзя даже волшебному коню, и тот отворачивался, тоже до смерти влюбленный в своего хозяина.

– Ты можешь выйти, мой друг. Опасности нет, я все устроил, – громко прозвучало в астрале. Всадник так и не обернулся, продолжая изучать вид на плато Камолло. Статуя ожила,

и Тойранад, убедившись в верности решения, подошел ближе к гостю. Пегас недобро фыркнул и бесшумно отгарцевал к самому обрыву.

– Я рад вас видеть, владыка. Я думал, мы не успеем встретиться до великого дня, что грядет.

– К сожалению, мы не можем ещё встретиться открыто, мой друг. Но время нашей тайны стремительно иссякает. Затруднения, которых я не ждал, привели меня сюда.

– Что произошло, владыка?

– Наш передатчик у Силида разрушен. За мной следят, и вообще, слежка друг за другом стала здесь так же популярна, как и *на юге*. К счастью, мы можем не пользоваться астральной связью и встречаться лично. Этот визит на границу пришелся мне кстати.

– Конечно, вас сейчас никто не хватится...

– Кто может меня хватиться, если я всех направляю? Все идет нормально, уверен, что возникшая истерия будет нам на руку. Но есть одна вещь, о чем необходимо сообщить *им* перед вторжением. Я сам был удивлен, когда убедился в том, что все именно так, а не иначе. Теперь у меня пропали последние сомнения в успехе нашего дела! – пространно заявил гость под серой накидкой.

Тойранад подошел и встал рядом с ним на самом краю пропасти. Всадник извлек из складок одежды информ-кристалл:

– Ты должен передать это послание в Кревланд одному человеку.

– Я сделаю все, что в моих силах, владыка. Но помните, в Кревланде у меня нет того влияния, что было раньше. Даже наоборот, любой орк и человек готов будет донести на меня за награду, обещанную в Бооссе.

– Тогда тебе придется стараться лучше. Тот, кто тебе нужен, находится у самого трона Крага Хака, он близок ему, его первый советник.

– А старый орк ещё жив? Вы прекрасно знаете, что творится в южном Лордароне. *Вы* послали туда столько войск...

– Я сделал то, что должен был сделать. Но этот человек жив, его канал связи с нойонами работает каждый день.

– Я должен только отдать ему кристалл?

– Да, он знает, что делать дальше.

Гость сжал руку Тойранада, и когда тот раскрыл кулак, в нем был красный камушек размером с мизинец. Гость беззвучно призвал коня и запрыгнул в седло.

– У меня ещё одна проблема, – прикрываясь от порыва ветра, почти кричал Тойранад, – я две недели ждал отряд Гирда Смелого в районе южнее Камолло, но он не пришел. Спустя месяц узнал, что он был схвачен в Лордароне отрядом варварки Шивы. Потом началась война, Круг Хак был занят командованием, и они с Шивой не встретились. Кажется, наш бывший король до сих пор жив, но томится в плену.

– Гирд знает о *тебе*? – холодно спросил белый всадник. Пегас размахисто махал крыльями, готовясь взлетать. – Знает правду о твоей роли в происходящем, о твоих связях?

Тойранад на миг задумался. Он осознавал, *чем* может закончиться этот разговор, и ответил:

– Нет! Не догадывается. Просто он может быть ещё нам полезен!

– Если сможет выбраться, я прикажу генералу Улафию и големам вырвать его из лап варварки, так что будем надеяться, все разрешится благополучно.

– А вдруг она подумает не отдавать его Кругу Хаку...

– От нас все равно не укрыться. Варварки судьба незавидна, впрочем, как и самого Гирда. Запомни главное, ты должен передать кристалл человеку по имени Синкат. Передать срочно! Он знает, что делать.

Тойранад поклонился и проводил взглядом всадника, летевшего на запад. Только сейчас, по мимолетным завихрениям в астрале, по теням мыслей того, кто ещё недавно стоял здесь, Тойранад убедился в том, что действительно рисковал находясь буквально «в паре слов» от смерти.

Юго-восточная Эрафия, граница с Таталией. 8-й путь Лун, 989 год н. э.

Семь воинов и Лазарен ехали уже две недели. От последнего разъезда на границе Таталии, где им встретились грифоновы всадники, они узнали свежие военные вести: войска Арагона уже идут к Энрофу, а нойоны вступили в Таталию. Их силы сближались. Война с нежитью надвигалась...

Не успеем вернуться домой, как все начнется, подумал Лазарен. Чем только все это кончится? Ему вспомнился случай в самом начале его миссии. Когда они только выехали из Кастелатуса, им встретился бродячий монах. Лазарену его лицо показалось знакомым, но припомнить было выше его сил.

Монах поинтересовался, далеко ли до города. Когда ему ответили, церковник подошел, поблагодарил отдельно каждого. В его голосе было что-то располагающее. Он попросил воды и пищи, ему сложно было отказать. Лазарен ещё поражался тому, как его опытные воины соглашались со словами достаточно молодого монаха. Эх, если бы я имел мощь магии! Смотрел он тогда на свои браслеты, что так и висели тяжким бременем на руках и в мыслях разведчика.

Ему обещали, что после войны в Арагоне их снимут, осуществить это раньше можно было, только расставшись с руками. Проклятый некромант, вот стоило же тебе, думал Лазарен. Так вот при встрече со святым отцом его не покидало ощущение, что на его людей действует какая-то аура, но из-за браслетов он был закрыт, и чары, если таковые и имели место, обходили его стороной.

– А откуда ты, путник? – поинтересовался разведчик, заметив шрамы на шее и щеке монаха. – Я вижу, раньше ты был воином, – он указал на лицо монаха и поклонился, как принято было на ристалище при встрече с противником.

– Да, почтенный рыцарь, я был гвардейцем его величества короля Катберта пятнадцать лет назад, но после Авлийской войны я принял сан духовный и навсегда отложил меч. Я жил и учился у отшельников подземного града – Врата Толос в Таталии.

– Писали великую книгу? – прищурился Лазарен.

– Да, я рад, что здесь, за тысячи миль от нашего скромного прибежища, люди знают о великой книге, что несет свет истины сквозь тьму веков. Путь я свой держу в столицу, оплот людей Энроф, хочу засвидетельствовать то, что вскоре случится...

– А что вот-вот случится? – не выдавая внутреннего напряжения, спросил разведчик.

Вместо ответа монах вновь поинтересовался, каков путь до границы восточной провинции, воины Лазарена хором ему вторили.

– Вы сказали, что что-то произойдет. Вы же с самой Таталии едете, расскажите, что вы видели?

– Крылья тени легли на все земли к югу от ваших границ. Суровое испытание ждет всех нас, и шторм все сильнее раскачивает лодку этого мира...

– Вы говорите о нойонах? О нежити?

– Они открыто пришли в Асанну три дня назад и скоро будут здесь. И мне кажется, именно страх перед владыками севера, страх перед вами толкнул правителей страны в руки нойонов. Я иду в Энроф, чтобы запечатлеть момент великой битвы, войны стихий, какие бывают раз в несколько столетий. Уверен, наша «Книга миров» выживет – кто бы ни одержал победу.

К сожалению, Лазарен не мог подробнее допрашивать столь осведомленного путника, королевская миссия не терпела промедления.

– Мир вам, – поклонился монах, воздел руки к небу и пошел своей дорогой, где-то позади мелькнул приближающийся крестьянский обоз.

– А как вас звать, святой отец? – поинтересовался, уже отъехав чуть в сторону, Лазарен.

– Сейчас, как и у моих братьев, у меня нет имени, но в миру меня звали Торнтон. Михаэль Торнтон.

Лазарен махнул рукой, они отъехали не так далеко, а монах пропал с дороги, как будто его и не было.

Торнтон, думал разведчик, но ведь я слышал эту фамилию. Адель, подруга Гримли, фрейлина принцессы Эльзы. Лазарен хорошо знал её при дворе. Аделаида Торнтон иногда говорила о своем брате, который и пристроил её в королевский пансион, когда они остались без родителей. Их мать умерла при родах дочери, отец скончался от удара в начале Авлийской войны. Старый дипломат не выдержал глупости и безысходной ярости, выплеснувшейся тогда против эльфов. Хотел остановить конфликт, но его не слушали. Дом их продали за долги, а младшая дочь оказалась в пансионе для прервавшихся дворянских родов.

Неужели это её брат? Это странное поведение, жуткие предсказания, этот нечеловеческий смех. Тут что-то не так...

В то же время, хоть и встревоженные столь скорым развитием военных событий, разведчики не думали поворачивать назад. Лазарен доверял своим людям, не сомневался ни в ком, браслеты не сдерживали его в этом. Они уже несколько дней блуждали по границе с Таталией и не встретили никаких следов нежити, как, впрочем, и следов пребывания Шивы.

А вечером на горизонте показался старый аванпост – башня с обрушившимся и сгоревшим верхом. Это была одна из артефактных построек времен первого единого государства людей – Империи Солнца. Когда вдоль всего Великого хребта на протяжении почти шести тысяч лиг – от Авлийских лесов до порта Шейхона и моря были построены укрепления от горцев Кревланда и кочевников восточной степи. С тех пор минули века. Войны, вражда, недопонимание разорвали людей на три отдельных государства, и этот аванпост находился как раз на стыке их границ. Никакого особого договора по нему не было. Дороги сюда сами собой заросли, селения вокруг обезлюдели. Крепость стала никому не нужна. В последнюю войну стихий она пострадала от арагонского гнева. Тогда здания были сильно повреждены, а последний эрафийский гарнизон был выведен оттуда сразу по окончании боевых действий и место стало совсем пустым, время от времени принимая у себя скитальцев и контрабандистов всех мастей.

Всадники въехали во внутренний двор. Со стороны леса шел густой аромат опавшей хвои, столь приторный в конце лета. Все здесь внутри успело зарастить каким-то кустарником и небольшими горными липами. Странное место наводило какую-то невнятную внутреннюю тоску. Громада внутренней башни, с выцветшим мраморным гербом в форме лучистого Солнца, отбрасывала на восток широкую тень.

– Есть, как и было уговорено! – крикнул подъехавший передовой дозорный, он вез в руках шапку с черным и голубоватым мехом.

– Волчий хвост, – рассуждал вслух Лазарен, – знак того, что она уже была здесь.

– И давно была, шапка уже в пыли, – указал воин.

– Наверное, они затаились в лесу, на северо-западе и видели нас ещё с холмов. Остается только ждать. Осмотрите периметр и саму башню, нам не нужны сюрпризы! – указал разведчик четырем воинам. – Найдите путь безопасного и быстрого отхода.

Он понимал, что перестраховывается. Связь с Шивой разведчик поддерживал с помощью прирученных птиц – старый кревландский способ. В Кастелатусе его внезапно нашел сокол-посланец. В привязанном к лапке птицы сообщении значилось, что Шива уже месяц кочует в окрестностях аванпоста и боится как Крага Хака, так и армии белых, что взяли Тамил-Азот и наводят во всем Лордароне жесткий порядок. «Если я буду рядом и найду вас, знаком будет

шапка или бунчук черного волка. Но только половину луны будет в силе наше соглашение, потом Гирд окажется в руках орочьего короля!»

Мы успели, это уже хорошо, думал Лазарен, сидя на обветренном, растрескавшемся, покрытом лишайником подоконнике второго этажа башни. Мусор, какие-то доски, пыль. Теплое дыхание леса сочеталось здесь с тонким сладковатым ароматом мертвечины. Где-то в башне застревают в щелях и дохнут крысы, подумал разведчик.

– Идут, идут сюда! – крикнул снизу один из его людей.

– Так! Вы, двое, на окна, вот это, – встряхнул мешок разведчик, – держите у себя, за сохранность головой ручаетесь. Если что не так, уходите в лес, не пытайтесь сражаться, ясно?

– Да, сэр! Если они что-то начнут выделять, мы её первую уберем!

– Молодцы, парни, но без фанатизма, пока они считаются не враждебными.

Лазарен спрыгнул на лестницу, взял другой мешок и, закинув за спину, пошел вниз. Его меч звякал в ножнах, ударяясь о высокие ступени.

Трое всадников влетели в южные ворота. Вернее, в ту дыру, что уже давно располагалась на их месте. Ещё пятеро орков забрались на стену. В руках они держали большие луки, и стрелки из них, судя по всему, были отменные. Лазарен показался в черном проеме входа башни. Пятеро его людей образовали полукруг. У двоих были арбалеты, остальные также держали оружие наготове. Эрафийские лошади недобро храпели и жевали поводья у старой обрушенной коновязи. Кони варваров были возбуждены, то и дело норовили встать на дыбы, чуть не сбрасывая седоков.

Лазарен оценил ситуацию. Пятеро орков-лучников держали на прицеле его и его людей. Шива и два её варвара-телохранителя были под прицелом арбалетчиков. Разведчик сделал шаг из полумрака и сбросил мешок на землю, тот звякнул. После этого, постучав стальным каблук по стене, будто отряхивая невидимую грязь, Лазарен двинулся навстречу. Шива беззвучно соскочила с коня, её кожаные сапожки тихо ступали по дорожной пыли. Бич за поясом оттенял своей чернотой её изящные светло-коричневые кожаные накидки. Солнце почти село и касалось верхушек леса на западе. Небо совсем очистилось, не было ни облачка.

Приятные у неё глаза, зеленые, думал Лазарен, идя навстречу. И бедра – какой огонь страсти горит внутри этой воительницы. Взгляд разведчика скользил по её фигуре. Она же дерзко смотрела прямо в лицо разведчика.

Они остановились друг напротив друга, ещё секунду ничего не происходило и, наконец, она пожала протянутую рыцарем руку.

Он чуть обернулся и посмотрел на мешок. «Принеси», – указал он арбалетчику. Тот, не спуская пальцев с курка, подошел к стене и, подтащив мешок по земле, опустил его рядом с изучавшими друг друга разведчиком и воительницей.

– Это половина от пятидесяти тысяч циллингов.

Шива присела и, раскрыв мешок, бережно осмотрела монеты и самородки. Взяла наиболее понравившийся её золотой камушек и, встав, посмотрела на Лазарена с улыбкой.

– Ты, надеюсь, честен по поводу половины!

– Конечно, но, к сожалению, я не вижу Гирда. Пусть он выйдет, и тогда второй мешок будет там, – указал себе за спину разведчик.

Шива подмигнула, было ясно, что лед недоверия сломан. Лазарен думал о том, как бы теперь снова её увидеть. Уже не на задании, а ведь это так сложно, почти невозможно. Они по разные стороны фронта, служат властителям, ненавидящим друг друга. Да и грядущая война стихий разведет их в разные стороны и концы света.

Шива подняла руку, один орк на стене отложил лук и громко свистнул. Арбалетчики взяли её на прицел. Ничего не произошло, лишь спустя несколько минут из леса выскочили всадники, у одного из них руки были перехвачены цепями. Лазарен сразу узнал Гирда. Бывшего кривландского правителя подстригли и привели во много лучший вид, по сравнению с

тем, каким они с Ивором видели его в Лордароне. Два с лишним месяца пронеслись как один день.

Всадники подъехали и остановились в нескольких ярдах за спиной Шивы. Лазарен заметил ключ, болтающийся на груди воительницы. Та понимала, что взгляд разведчика привлекал не столько ключ, сколько её изящные формы. Гирд сам соскочил с коня и подошел к ней. Его серые глаза казались усталыми, а поведение отрешенным. Он не шутил с бывшими подданными, ставшими теперь временными тюремщиками. Гирд, широко расставив ноги, не говоря ни слова, протянул вперед руки.

– Вы свободны, лорд, – заявила Шива, дважды повернув ключ в оковах. Цепи прощальным лязгом упали на поросшую травой брусчатку внутреннего двора. Бывший король Кревланда ничего не ответил Шиве, слегка поклонился Лазарену и пошел вперед. Разведчик поднял руку, и ещё один мешок звякнул, сброшенный со второго этажа к входу башни. Один из разведчиков подхватил его. Другие сразу окружили Гирда Смелого и прикрыли его широкими большими щитами от пристальных взглядов орков-лучников, среди которых один выделялся красной шаманской шапочкой.

Лазарен видел, что прощание неизбежно, сейчас она просто оседлает коня и уедет. И его воины хотят того же, хотят домой, его ждут и Эй-Той, и Эдрик III. Разведчик колебался секунды, а арбалетчик со вторым мешком был уже рядом. Телохранители Шивы спешили, чтобы принять золото и навьючить лошадей.

Наконец, он решил.

– С тобой приятно работать, – сказал Лазарен, чуть щурясь от залитого пожаром вечернего неба, – ты добиваешься своего любой ценой и, кроме того... – рыцарь сделал полшага вперед и сказал почти на ухо: – Ты безумно красива! Так что, – он снова выпрямился, – я буду рад помочь, если ты вообще ещё в чем-то нуждаешься.

Он с усмешкой посмотрел на второй мешок золота, который в восхищении рассматривали воины Шивы.

– Сперва обуздай жеребца своих желаний, – смешливо ответила она, – взбесившихся коней я укрощаю самым жестким способом, – воительница положила руку на сабельный эфес.

– Искренне верю, ты любишь жесткую сладость, – улыбнулся Лазарен. Он чувствовал неугасающее желание обладать этой женщиной. Этой дикой варваркой, которая сначала охотилась, а потом продала ему собственного короля. Ей нельзя будет доверять, – говорил разум, но сердце жгло и рвалось быть с ней.

Что-то обдумывая, Шива смотрела на Лазарена большими лучистыми глазами, в которых скрывалась какая-то иная, неведомая ему, параллельная истина.

– Впрочем, у меня есть одно неоконченное дело в Лордароне. Ты, я вижу, до сих пор носишь эти браслеты. Хочешь, наверное, по квитаться с тем, кто их на тебя надел, и уж тем более достать ключ. Тому некроманту определенно пора подпалить бороду.

Лазарен сдержанно улыбнулся, она, может быть, и не так сурова.

– Старик давно заслужил чан со святой водой!

– Тогда... – тут Шива осеклась. Внезапно конь Гирда встал на дыбы, шарахнулся в сторону и бросился вон за стены аванпоста. Остальные лошади вели себя так же, вставали на дыбы, ржали, сбивались и вырывались из поводьев, шли пеной.

Орк-шаман, сидевший на стене, схватился за голову, выронил лук и, подняв скрюченную от боли руку, прокричал:

– Нежить!

Лазарен глянул вверх, похолодел и застыл как вкопанный. С юга к башне над самым лесом летели ярко-белые точки, они быстро росли, и стало ясно, это драконы-духи. Огромные – под сотню ярдов в размахе крыльев, они были уже совсем близко, и безудержный страх в тот же миг охватил и людей, и орков. Варвары и рыцари бросились в разные стороны, те, кто

прикрывали Гирда щитами, все побросали и легли наземь. Гирд ошалело пятился к башне, другие рыцари сперва заворуженно смотрели в небо, а затем бросились прочь, как и варвары Шивы. Только воительница и Лазарен, скрытые доспехами и браслетами, рассекали ауру ужаса.

– Бежим, прочь отсюда, в лес! – крикнул Лазарен и схватил Шиву за руку, та вцепилась в мешок.

– Брось!

– Нет, попробуй...

– Брось, – он ударил её по руке, мешок выпал, и тяжелые монеты, звеня, покатались по замшелой брусчатке.

– Что ты делаешь??

– Бежим! – Он снова дернул её.

Драконы махали крыльями, тормозя прямо над ними, при этом поднимая сильные порывы ветра. Деревья в лесу пригнулись от мощных порывов...

– Гирд, бегите, спасайтесь! – из последних сил, заглушаемый ревом ветра, кричал Лазарен, до боли сжимая руку Шивы. Они бросились к пролому в западной стене, когда в пасти и на когтях крыльев ближайшего дракона-духа налились багровые шары астральной силы. Залп, другой – Лазарена подкинуло, и ладонь Шивы выскочила из его кисти. Он отлетел в сторону и видел, как тело девушки швырнуло обратно к площади.

Страшный удар потряс местность, и дым оседающей пыли заволок все вокруг. Башня обрушилась наполовину. Гирд был ещё жив и лежал на земле, ноги его не слушались, бывший король пополз ко входу, полагая, что там спасение. Драконы развернулись, на бреющем полете прошли над лесом и с высоты всего трехсот футов ещё раз ударили магическим огнем по заброшенному аванпосту и окрестностям. Дым уже застилал все, личи, сидевшие в черепах монстров, ничего не видели и потому щедро полили землю испепеляющим жаром драконьих молний.

Лазарен поднялся, с трудом пошел туда, откуда шел дым. Ветер все гудел, к нему прибавился характерный звук, противный и резкий. Свист огня и пожара, горели деревянные перекрытия башни. Его доспех был разорван, в глазах все плыло, но Лазарен все шел и вдруг увидел её. Шива лежала на камнях у стены, без сознания. Волосы спутались, лицо было залито кровью. Он бережно, как пушинку, подхватил её на руки и понес к лесу, не чувствуя боли в спине и ногах. Тут небо озарилось, земля задрожала, и ослепительный свет ударил откуда-то сзади. Воздух наполнился раскатистым прощальным ревом драконов-духов. Удар сбил его с ног, тело Шивы отлетело куда-то вперед... Пыль и жар воздуха обволакивали лицо, лезли в глаза, в рот и в нос, скрежетали зубы. Все потемнело, и разведчик совсем перестал слышать, а после жар стал невыносим, и сознание окончательно его покинуло.

Драконы-духи быстро летели на юг. Наездники не стали дожидаться, пока глаза Арагона почувствуют их появление. Старший лич настроил астральный канал связи и доложил моргулу Дракису, что задание выполнено.

Глава 4

Центральный Лордарон, Тамил-Азот. Двумя неделями ранее

Барон Рено, сорокалетний мужчина с легким брюшком и постоянной улыбкой на устах, вошел в небольшую пристройку на задворках одного из богатейших домов Верхнего Тамил-Азота. Тут было тихо и скромно, отсутствовала кричащая роскошь, к которой на первый взгляд привык глава стражи герцога Карла – Некатор Селл.

Двое других крупнейших вассалов герцога и конкурентов барона уже были здесь. Рено подмигнул им, раскланялся, но избежал рукопожатия.

– Хозяин запаздывает, – усмехнулся один из них. Вскоре из-за небольшого шкафа, что прикрывал проход в основную часть дома, показался Некатор. Он был в домашнем халате, с графином вина и несколькими стаканчиками из дорогого прозрачного стекла, уложенными друг в друга.

– Как там прием? – поинтересовался Рено.

– Все в порядке, вашего отсутствия не заметят, а если и заметят, то решат, что мы с девками, – холодно ответил хозяин дома.

– А что подумает моя жена... – рассмеялся Рено.

– Баронесса, как всегда, и шагу не может свободно ступить из-за этого шута-писателя!

– Он все же здесь? Я его не заметил...

– Он лишь боялся подойти к ней в вашем присутствии, боялся, что вы пощекочете мечом его жалкую утробу!

– На вашем месте я бы взял пилку для оленьих рогов! Писатель мастер по части оболыщания! – посмеялись над бароном его заклятые друзья.

– Он ничтожество, голодранец и приживалка, не державший в руках меча, – чуть покраснел от натуги Рено, – а пилкой я могу разжиться разве что у вас, не впервой, наверное, пользоваться?

– Хватит! – Некатор поставил между ними табурет, а на него бутыл со стаканами, сам оперся на стол.

– Скоро нам всем потребуются не пилки, а гробы. Вы же сами понимаете, к чему все идет! Сегодня у герцога была делегация из города. Торговцы, священники, лидеры ремесленных общин. Они требовали срочной капитуляции, чтобы мы немедленно открыли дорогу арагонцам, пока их гнев не пал на сам город.

– И что Карл?

– Герцог ответил отказом, одного особо спесивого купца даже арестовали.

– Он безумен, а что этот некромант, он не боится попасть в руки экзорцистов?

– Я не говорил с ним. Кип-де-Зул продолжает свои мерзкие опыты и мутит разум герцога. У нас не останется ни одного шанса, кроме нарушения клятвы, чтобы предотвратить трагедию и гибель нашей страны.

– Но мы не сможем помешать некроманту, он чародей!

– Эльф и эта варварка Шива во время сового побега обезоружили некроманта, когда против них было всё! Неужели мы не сможем?! – возмутился воин. – Предлагаю тост, за успех нашего дела! – он разлил крепкое вино по стаканам.

– Никто не захочет марать себе руки кровью герцога. У Карла трое детей, если они вырастут, то отомстят нам, а подрезать род под корень, тогда население поднимется против нас! Народ из хитреца и пройдохи тут же выведет мученика! – гневно возразил один из заговорщиков.

Все выпили, выдохнули. Вино было жгучим и крепким. Некатор утер губы и продолжал:

– Никто не собирается лить ничью кровь. Очевидно, что Карл зачарован с помощью тех самых браслетов, которые якобы рассеивают магию. Но проверить это нельзя, да и времени уже нет. Катастрофа под Навертом не должна повториться здесь. Да и не найдется в армии больше таких дураков! Страх и аура заставят Карла и дальше требовать невозможного, поэтому, чтобы не пасть от его руки, мы должны не убить, а изолировать его! – заявил Некатор. – Арагонцы будут здесь максимум через два дня. Мне кажется, завтра под вечер!

– Откуда ты знаешь? – вспыхнул Рено.

– Говорят, они послали сюда эльфов, а сами отошли к Эрафии, чтобы встретиться с основными силами нойонов, – поддержали его остальные.

– Я послал вчера гонцов на север, и они вернулись сегодня же утром, – прищурился телохранитель герцога. – Кроме того, мне пришлось ликвидировать двоих шпионов зомби, служащих Кип-де-Зулу, дело более не терпит задержки!

– Их ещё не хватились?

– Нет, некромант слишком занят, это нам на руку. Он уверен, что Карл в его руках, и это гарантия безопасности. А доказательства того, что герцог был под его влиянием, пусть ищут сами белые, когда мы сдадим им город! Мы выведем Карла в безопасное место, ведь ваш замок можно считать таковым, верно, барон?

Рено одобритительно мотнул головой и для храбрости глотнул ещё вина.

– А почему гвардия и разъезды у Наверта не сдались? Они что – дураки, выполнять безумные приказы и сопротивляться неодолимой мощи? – спросили у Некатора.

Тот ждал и боялся этого вопроса.

– Даже герцог нечетко представляет себе случившееся. Кроме тех беженцев, которых вы видели, другой информации нет. Факт был в том, что солдаты у большой северной развилки приняли бой против трех титанов и нескольких сотен големов. Все погибли. С юга сюда идут войска эльфов, которые ищут Футора. Он, подлец, бежал из Уру-Итиля и скорее всего приблсся к оркам.

– Это все ясно, но как ты узнал, что арагонцы будут так скоро?

– Я сам попросил их поспешить, от своего и кстати, – он похлопал по плечу одного из вельмож, – вашего имени!

Некатор хлебнул ещё вина. Казалось, он вообще не пьянел.

– В общем, сейчас момент решающий. Вы должны ответить, вы со мной или выбрали безумную гибель в борьбе с неодолимой силой белых магов?

– Конечно, мы не безумцы, как тот, кто командовал гарнизоном у Наверта, но все-таки...

Тут барон подумал о том, что все это может быть провокация, проверка на лояльность, но потом отбросил эту мысль. Герцог в таком положении, что ему сейчас не до проверок.

– Я с вами, – протянул руку телохранителю герцога барон Рено, и остальные поступили так же.

– Тогда предлагаю вам четко представить себе, что мы должны сделать в ближайшие часы.

Отодвинув в сторону табурет, Некатор подозвал сообщников к столу, где лежал большой пухлый свиток. Он развернул его, это оказался план города Тамил-Азота.

– Сколько у вас людей в городе, барон?

– Я думаю, вы знаете, сколько у меня солдат.

– Ну, я бы хотел сравнить данные от моих соглядатаев с вашими правдивыми словами.

– У нас у самих есть вопросы! Вы гарантируете невмешательство стражи в самом дворце. Знаете, сколько здесь личей?

– Именно поэтому мне и нужны ваши люди. К Кип-де-Зулу прибыло подкрепление, он неглуп и бежать не думает. Будет держаться, пока есть шанс. Верит, что его хозяева придут нам помощь и, судя по всему, зря.

– Но он же не самоубийца. Не может не понимать, что арагонцы рядом!

– Да, вот тут, – палец Некатора блуждал по карте, – мы обнаружили личей и боевых виверн. Моих солдат туда не подпускают, но я проходил. Уверен, что мне удастся решить проблему, там всего пятеро стражей, и именно оттуда некромант при случае попытается покинуть город.

– Сам Кип-де-Зул, его охрана и Карл это проблема, – продолжал Некатор. – Открою вам свои карты. Я уговорил старших офицеров гвардии снять оцепление на всех дорогах к северу и не препятствовать армии Светлого Круга. Арагонцам я верю куда больше, чем эльфам. Но одно дело пропустить, другое дело – бороться с засевшим тут чародеем, вы, я надеюсь, этого не боитесь?

– Кип-де-Зул знает, что мы тут?

– Он думает, что это пир во время чумы, его больше всего волнует, не бросят ли его свои.

– Хорошо, – сдался Рено, – у меня двести человек, но они внизу в городе, на постое. Здесь, в моем доме, не более десяти вооруженных людей. Моя жена также здесь, не хочется рисковать жизнью родственников...

– Это излишне, барон. Я думаю, мы справимся! Главное – время, время на нашей стороне! – Некатор взял стакан и поставил его на карту, чтобы удерживать сворачивающийся угол.

– Уверен, мы делаем то, что должно.

* * *

В ту ночь у Кип-де-Зула снова не наладилась связь. Он чувствовал рябь и дрожь, идущую по астралу. Войска белых приближались, и удерживать канал связи, основанный на некротических заклетах, было всё тяжелей. Наконец, почти под утро, их резидент в Кревланде почувствовал сигнал и включил приемное устройство на стаахе, усиливающее и защищающее сигнал от «белого ветра».

Экран толщиной с пылинку наконец-то стал отображать картинку. Некромант увидел Синката в коричневом балахоне с мечом на поясе. Позади него по склону горы ползли неуклюжие кадои, звука не было, но вот, наконец, Синкат первым докричался до него:

– Где вы находитесь?

– В Тамил-Азоте, готовлюсь к эвакуации, а вы?

– Я вместе с королем. Мы уже месяц плутаем по горам, чуть западнее Дрегонспира. Скажите, так ещё не весь Лордарон в руках магов?

– Нет, но скоро так и будет. Синкат, вы должны передать нойону Нагашу, что *все размещено, все в Эрафии*. Если ему вдруг понадобится подтверждение, а я не смогу выбраться из этой переделки. Скажите ему!

– Я уже сам не могу неделю связаться ни с Агону, ни с Колдсоулом – всюду «белый ветер», астрал просто загроможден им, кричал будто под порывами ветра ученик Моандора.

– Попробуйте, я смог найти связь только с вами. Как ситуация в Кревланде? – глаза некроманта суетливо бегали.

– Мы также испытываем их гнев. Эльфы нанесли нам подряд три серьезных поражения. Краг Хак с трудом удерживает своих военачальников от бунта и дезертирства.

– Все равно там у вас безопаснее, чем здесь. Против меня составлен заговор. Арагонцы будут в Тамил-Азоте со дня на день. Я хочу эвакуироваться в Боосс, вы можете организовать там достойную встречу? Вы же понимаете ситуацию, здесь не удержаться!

– Да, не удержаться... – Синкат понял, что как обычно не в курсе планов *истинных*, его о таком сюрпризе не предупреждали, но война на то и война. Сейчас он мог бы легко отказать, но Кип-де-Зул многое знал. Его расположение в будущем могло сыграть на руку сумеречному. – Я буду просить за вас короля и сделаю все, что в моих силах.

– Рад был вас слышать, – Кип-де-Зул улыбнулся остывшей старческой улыбкой. Он служил нойонам больше ста лет, а этот юный сумеречный совсем недавно и уже был на столь высоком счету. Зато я знаю их тайны и до сих пор жив, подумал некромант.

– Синкат! – неожиданно, когда телохранитель орочьего короля уже собирался прервать связь, обратился к нему Кип-де-Зул. – Вы не можете мне сказать, почему мы бездействуем?! Мой патрон Нагаш говорил мне, что вот-вот начнется наступление, но ничего не происходит. Вы не имеете информации из своих источников? – Глаза старца сузились, он не хотел поминать в астрале Колдсоул и его мрачного хозяина.

– Нет! Я знаю лишь, что ждать осталось не долго. Истинные собираются на Совет!

Моандор явно его обнадеживал, и совсем недавно, раз три поражения кряду не сломили его дух. Развязка близка, думал некромант.

– Благодарю, мой друг, я ваш должник. Постараюсь прибыть в Боосс до конца недели! Надеюсь, там меня не встретят враги!

Экран померк, и перед Синкатом остались все те же голые деревья и камни. До горизонта скалы, острые глыбы, нагромождения валунов и песка. Какой чахлый мир – Кревланд, но даже он лучше нойонской могилы, где копошатся живые мертвецы, возомнившие себя богами. К уставшему чародею подбежали какие-то гоблины, повязки на рукавах выдали в них птероптархов.

– Мы задержали авангард эльфов на перевале, но их главные силы подтягиваются. У нас совсем нет рухов и баллист, если сейчас налетят драконы, то...

– Я знаю, – прервал их лепет Синкат, – готовьте луки с ядом, топоры и бочки с огненным порошком, что угодно делайте, но не дайте им занять перевал до вечера!

– Нам не продержаться целый день, ещё не поднялось солнце!

– Это не важно, Орис примет вас завтра героями или не примет вовсе! – Ответ был исчерпывающим. Сумеречный вновь был в седле.

Скоро и до Аджита могут добраться. Может, съездить к нему? – подумал Синкат, предупредить, ведь старик на многое открыл мне глаза. Наверняка он все чувствует, будет плохо, если он уйдет в неизвестность, надо съездить...

Тут рядом раздался протяжный рык, и трое волчьих всадников подъехали совсем близко.

– Король ждет вас на совещании, – они махнули рукой на север. Там, за следующим перевалом укрывался, оторвавшись от эльфийской погони, владыка Кревланда – орочий король Краг Хак, власть которого таяла с каждым днем отступления.

* * *

Кип-де-Зул остался в своей темной зале. Была ночь, а там за спиной у Синката все уже освещено зарей. Величавые хозяева бросили нас, но и Арагону все это дорого отойдется, эти унижения и бегство. Для себя некромант уже все решил и вызвал личей. В столице он собрал всех, кто находился в Лордароне, сорок личей и сорок зомби. Он заканчивал работу над боевым демоном, который мог бы послужить прототипом для огромной серии при благосклонности Тамикзаллы. Но монстр был не совсем готов, его нельзя было контролировать через астрал. Тело, созданное из раскромсанных трупов и питательной некротической массы, лежало в подвале замка, его надо было вытащить на поверхность и эвакуировать на вивернах. Они должны были выдержать вес огромной туши. Дел предстояло очень много, а времени не было совсем. Пятеро личей выстроились у стены, ожидая его приказа.

– Будьте около герцога Карла! – бросил старик. – Немедленно сообщайте мне о любых опасных ситуациях. Все остальные следуйте за мной, в лабораторию. Наши изыскания не должны попасть в руки Арагона.

– Да, владыка, будет исполнено. – Личи поклонились и вышли. Следом серую келью покинул и сам некромант.

* * *

Карл Сацерро, правитель Лордарона, завтракал без особого желания.

– Что было вчера на твоём приеме? – спросил он, поедая полусырые яйца с хлебом и заливая все это белым вином. Некатор, казалось, даже не расслышал вопроса, но спустя минуту ответил, разглядывая за окном личей, прогуливавшихся по внутреннему дворику дворца..

– Там были почти все, кого вы просили. Как я и предупреждал, люди не хотят драться с Арагоном.

– Это их проблемы, мы должны показать, что готовы драться, – резко бросил Карл, он, казалось, не замечал того, отчего в ужасе стыли за спиной лакеи. Телохранитель впервые в жизни говорил с ним на равных.

– Барон Рено скоро будет арестован, а его людей мы перепишем в гвардию.

Карл кивнул.

– Надо подумать об эвакуации, ясно, что мы их не остановим, зато в глазах Кип-де-Зула будем выглядеть стоявшими до конца! – герцог посмотрел на лича, стоящего на карауле, у самого входа в трапезную.

– Все утро некромант отправляет на вивернах какие-то тюки на северо-восток. Кажется, он хочет бежать в Кревланд.

– Ты что несешь? – казалось, Карл взбесился. Он вскочил из-за стола, схватил телохранителя за плечо. – Мы будем биться!

В этот момент слуги, обслуживавшие завтрак, обнаружили в коридоре десяток телохранителей герцога, вооруженных до зубов. Старший из них поднес палец к губам и указал, что им лучше не шуметь. Карл и Некатор громко скандалили подле стола, телохранитель настаивал на том, что сопротивляться арагонцам равносильно самоубийству. Карл не соглашался, кроме них в зале был только приставленный к правителю лич и входившая и выходившая челядь. Некатор заявил, что он лучше уйдет, чем будет дальше прислуживать нойонам. Карл вцепился в плечо своего друга, но телохранитель грубо оттолкнул его. Герцог упал и потянулся за коротким мечом. Лич, которому некромант велел оберегать герцога, рванулся на помощь.

– Стой, нежить! – вскричал телохранитель и получил под дых удар закованным в сталь коленом.

– Что ты делаешь, что ты делаешь?! – вскричал Карл. – Остановитесь оба!

Некатор встал, но был снова сбит, лич наотмашь ударил его по лицу.

– Остановитесь! – вопил герцог.

Сзади слышался топот, лич обернулся, и тут ему в грудь вонзился острый посеребренный клинок.

Другие стражи вбежали и схватили герцога за руки.

– Что происходит? – не успел возмутиться Карл, как на голову ему упал черный мешок.

Даже раненный, лич был очень опасен, он отшвырнул одного из нападавших, тот врезался в стол, все съехало в сторону, посуда с грохотом посыпалась на пол. Чашки разбились, а серебро гулко звенело, перекатываясь по мрамору плит.

Из раны на груди пошел зеленоватый дым, лич только и успел схватить жезл, как повалился под нависшими на руках гвардейцами.

Герцог попытался рвануться, кричал, но из-под плотной ткани ничего не было слышно. Его повалили на стол и заломили руки. Тут в дверях показался ещё один лич, он рванулся на помощь пленнику, сцепился с гвардейцами, одного отбросил к стене...

Мертвецы обладали нечеловеческой силой. Сразу пара мечей уткнулись в него, но, не выпуская случайной жертвы, лич пошатнулся и швырнул гвардейца к окну. Страшный грохот раздался над двором. Дергая конечностями, стражник вместе с обломками стекла и рамы вылетел наружу и упал вниз на брусчатку. Под ним растекалось бурое пятно. Личи на посту подняли головы вверх и бросились в здание.

В трапезной все уже было кончено. Серебряное оружие сделало свое дело. Некатор подошел к пленнику, выловил в одеждах на шее золоченую цепь. Карл по привычке все ценное носил с собой. Ключи от казны и браслетов молчания были здесь. Порвав цепь, телохранитель потянулся к рукам поверженного патрона, и вскоре отрицающие магию браслеты защелкнулись на запястьях Некатора.

– Вниз, к лошадям! Подожгите стога, скорее!

– Уже горят, сэр, – ответили верные стражи.

Некатор подбежал к окну, из-за стены замка, недалеко от самых дорогих домов располагалась коновязь. Бараки с всегда сухим сеном горели. Это был сигнал, о котором хитрый страж договорился с представителем Арагона. На первом этаже послышались резкие щелкающие звуки, похожие на удары бичей. Личи, устремившиеся внутрь, разили гвардейцев из своих жезлов, но они были в явном меньшинстве, и вот несколько посеребренных арбалетных болтов прикончили их на глазах у Некатора, наблюдавшего бой из пролома окна трапезной герцога.

Кип-де-Зул находился в восточном крыле замка, когда почувствовал какой-то астральный всплеск и чуть слышный шум. Некромант видел, что несколько личей отсутствуют на посту. Некромагия выдавала их на большом расстоянии. Сзади, из-за башни серого камня поднимался дым, это не вторжение Арагона, но возможно, вспыхнул мятеж. Карл мог решиться выступить против нас – Кип-де-Зул приказал десятку личей выстроиться в боевом построении и никого к этой башне не подпускать. Сам некромант остался командовать зомби, которые тянули наверх из подвала тяжелую тушу демона.

Этот демон должен был перемещаться под землей, как змея, а на поверхности биться, как маленький дракон. Идеальное оружие среднего класса, которого так не хватало нойонам. Его нельзя было оставлять в руки арагонцев. Кип-де-Зул чувствовал возрастающую опасность, но вместо того чтобы самому возглавить отряд личей, начал творить заклятие, которое должно было уничтожить демона, в случае попадания в руки крупного мастера белой магии.

Некатор сбежал на первый этаж. Его волновали две проблемы: где скрывается некромант и кто контролирует спусковые машины. Если бы Кип-де-Зул догадался о мятеже, он бы первым делом разрушил систему подъема. Все утро люди Рено поднимались сюда и сейчас уже конные двигались из верхнего города к самому замку. Правда, самого барона нигде не было.

– Где Рено? – воскликнул Некатор, у него за спиной были трое гвардейцев и человек с мешком на голове.

– Возьмите, – Некатор толкнул пленника и сам попросил лошадь. – Его нужно немедленно вывезти за город.

– Барон сейчас там, – воины указывали на нижний город, – он перебил личей, что мешали нам занять подъемник!

Некатор оседлал приведенного коня и, когда связанного Карла также посадили на лошадь, в сопровождении людей Рено направился к подъемным платформам. Сзади слышались крики, треск и грохот разрывов. Внезапно из-за восточного крыла замка высыпал отряд личей. Разогнав стражу, они прочесали парк и теперь в отсутствие командующих пытались занять внутренний дворик. На взмыленных конях рыцари подлетели к подъемнику. Барон был в седле, его люди приняли герцога из рук гвардейцев.

– Доставьте герцога к нам, в горы, и что бы ни один волос с головы не упал! – командовал Рено.

Когда платформа, под протяжный рев grossов, со скрипом пошла вниз, барон и Некатор с двумя десятками воинов понеслись назад к замку.

– Что же их нет? – указал в небо Рено.

– Маги ведь, должны что-нибудь придумать, – крикнул в ответ телохранитель герцога.

– Невозможно поспеть сюда от Наверта за одну ночь!

– Захотят, успеют! – Некатор сжал зубы и, прижавшись к гриве коня, летел вперед. К замку, где прожил столько лет. Герцог в безопасности, теперь осталось раздавить этот некротический гадюшник!

В саду, около дворца, горел кипарис. Лежали несколько тел гвардейцев и личей. Вдоль восточного крыла, прикрываясь большими щитами, гвардейцы Некатора двигались к входам в подвалы.

Кавалеристы влетели во внутренний двор и тут же попали под перекрестный огонь. Два рыцаря повалились на землю под меткими выстрелами личей, засевших, видимо, на верхних этажах здания. Всадники схлынули, но пять человек во главе с Рено прорвались к самому входу и минули линию огня.

– Что происходит? – осведомился у своих людей Некатор.

Барон ждал его приказов, прижавшись к стене между двумя створчатыми дверями, что были открыты настежь и простреливались личами.

– На третьем этаже личи, на втором – наши держат восточное крыло и центр. На первом этаже почти везде наши, только в подвалах полно нежити. Какие-то слепые уроды, змеи размером с коня! Этот старик развел там отвратительную мразь! Мы уже почти всех порезали, серебряное оружие, слава Велесу берет свое!

– Некроманта не нашли?

– Нет, часть личей засела в тюремной башне!

– А арсенал, склады?!

– Мы замуровали входы, как вы и приказали! Ещё целы виверны у северного камня!

– Их уберем потом, сначала надо очистить замок!

Некатор указал барону на правую дверь, и тот, зарядив арбалет, ринулся вперед, увлекая за своих людей.

– Слушайте меня! – указал Некатор оставшимся с ним арбалетчикам. – Надо блокировать окна, чтобы они не высывались! У меня вон, человек сорок стоят, пробиться сюда не могут!

– А вы, – крикнул он воинам на другом конце двора, – слушай меня! Щиты над головой, у кого нет щитов, корзины, доски – и вперед! Ко мне!

Солдаты колебались лишь мгновение и побежали навстречу командиру. Личи выламывали окна, вскидывали жезлы, пытались прицелиться, но за щитами было плохо видно, они ранили нескольких человек, но большинство уже достигло здания. Арбалетчики между тем, с хорошими наводящими, метко били прямо из-под стены – четко, один за другим убирая стрелков нежити.

– Двор свободен! Сюда, уносите раненых! – командовал Некатор.

Всадники барона только и ждали этого приказа, они ринулись внутрь и вскоре ворвались во дворец через боковые двери и выломанные окна. В просторный холл с белыми колоннами и центральной лестницей, построенной в староэрафийской аристократической манере, вошли Некатор и ещё два десятка солдат. Они бежали вверх на второй этаж. Там было два пути, люди разделились. Прорваться в западное крыло оказалось нелегко, их сразу же встретил огонь личей. Некатор велел обойти здание и по приставным лестницам влезть в комнаты, где забаррикадировалась нежить. Когда только раздался звон стекла от высаживаемых окон, и личи бросились назад, гвардейцы тут же воспользовались их оплошностью. Они ворвались внутрь, и в комнате герцогини Сацерро и её прислуги закипел бой. Семью герцог Карл, под безопасным предлогом, уже неделю как вывез из Тамил-Азота. Личи сражались отчаянно, они

были много сильнее обычных людей, кровь брызгала на дорогие занавеси и бархат стен. Но все же превосходящие числом люди брали верх, и костяные великаны валились наземь под градом ударов.

Барон Рено с трудом очищал подвалы. Зомби с топорами, какие-то живые трупы, обрубки туловищ, говорящие головы то и дело открывались ему в темных закоулках убежища некроманта.

– Какие твари! Вырубите здесь всё! Сожгите! – кричал барон, сдерживая рвотные позывы и стряхивая с руки вцепившуюся в латы живую голову... – Ну и мерзость герцог развел здесь!

К нему подбежал какой-то кнехт в кольчуге, забрызганной черной кровью:

– Некромант ушел на платформе вверх в тюремную башню!

Канаты скрипели, груз-противовес плавно опускался, увлекая вверх скрывавшегося от преследователей Кип-де-Зула. В этот момент рыцари из окружения барона с двуручными мечами проникли в шахту и перерубили их. Лифт дернулся и платформа ушла из-под ног некроманта. Он прыгнул и повис над провалом на одной руке. Внизу раздался треск и грохот – при падении платформа разлетелась в щепки. Рокот скребущих по стенам обломков разносился по коридорам.

– Наверх – по лестнице, он за что-то зацепился, – крикнул Рено, – бейте его из арбалетов, издали!

Барону вдруг стало страшно, то ли на него так подействовали ужасы лаборатории некроманта, то ли темнота коридоров. Он вдруг всем естеством ощутил ту легкость, с которой сильные задувают «пламя жизни» у слабых. И осознал, что сейчас слабый именно он.

– На третьем этаже к центральному проходу идите! – командовал Некатор. – Я к платформе и тюремной башне!

С главой охраны двинулись три крепких рыцаря. В широком коридоре, среди гобеленов, картин и зеркал чувствовался запах гари. Двери, ведущие к винтовой лестнице, слетели с петель. Ударом в сторону отнесло какой-то диванчик. Некатор увидел людей, человек десять, позади них по огромному росту и темным кудрям можно было узнать барона Рено...

Кип-де-Зул подтянулся и оказался в дверном проеме, это ловушка, второй этаж не вел к башне, тут были только палаты родственников герцога и место прислуги. Скорее, окно! Там, внизу, во дворе какие-то незнакомые ему всадники, пешие воины, арбалетчики. Это заговор, понял некромант, и Рено, судя по всему, главный заговорщик, и Некатор наверняка с ним. Ещё неизвестно, что они сделали с герцогом. Может, убили или куда-то вывезли.

Старик оперся на стену и тяжело дышал. Вдруг в астрале он почувствовал с десяток воинов, идущих прямо ему навстречу. Некромант повернул за угол и замер, перед ним, обнажив мечи, стояли восемь человек, за ними ещё, слышался звук взводимых арбалетов. Бежать было некуда, оставалось одно – драться.

Казалось, перед рыцарями выросла огненная стена, сплошное пламя, оно обьяло деревянные вставки в стенах и дорогие гобелены. Некромант шел за пламенем, он сильно дунул в него, и огромный язык, как из пасти дракона, понесся вперед. Люди отпрянули, но было слишком тесно. Трое воинов вспыхнули, загорелись, истошно крича, сделали несколько шагов по горящему коридору и повалились. Когда огонь чуть стих, Кип-де-Зул рванулся вперед с прытью, не свойственной человеку его возраста.

Чародей оказался в центре бокового коридора, слева были люди Некатора, справа – барона. Посредине чадил увядающий пожар, и серый пепел крупными кусками праха мельтешил перед глазами. Кто-то из рыцарей барона ринулся на него, со стороны телохранителя герцога были пущены арбалетные болты. Но они не смогли повредить чародею и отлетели в стороны, будто ударившись о невидимый щит на расстоянии в две ладони от тела некроманта. Меч рыцаря некромант встретил старческой ладонью, переломил пополам, подскочил ближе и ударил в грудь так, что доспех с лязгом вогнулся внутрь. Тело отлетело назад, воин кряхтел и

плевался кровью, возникла суতোлка. Люди видели, что одолеть этого старика не так-то просто. Источая яростные ругательства, прикрываясь щитами, лордаронцы в обоих коридорах сдали назад.

Тем временем в астрале всё новые и новые силы призывал себе старый некромант, и могучий удар потряс весь дворец. Над головой Кип-де-Зула обрушились перекрытия, частично завалив коридор. В образовавшемся провале был виден белый потолок такого же коридора на следующем этаже. Некромант оттолкнулся и силой магии достиг высокого потолка, зацепился за балку и полез вверх.

Тут, растолкав своих замерших, ошарашенных и напуганных воинов, вперед выбежал Некатор. Он разбежался и по длинной выпавшей сверху балке, не задевая раскаленные головни, разбежался, оттолкнулся что было силы от её края и в прыжке достал конец синей тоги и сапог некроманта. Кип-де-Зул хотел его сбросить, но в астрале тело противника отсутствовало. Пока он осознавал, как это произошло, Некатор подтянулся, ещё раз перехватил руками и крепко вцепился в ногу старика. Руки того соскользнули, и они оба упали вниз на груды обломков второго этажа. Только рыцари метнулись на помощь главе охраны, как две молнии, шипя, яркими шарами покатались в разные стороны. Некромант вскочил, будто совсем не пострадал при падении, Некатор же оглушенно катался, держась за бока. Некромант отшатнулся к каким-то запертым дверям, не оборачиваясь, лягнул их ногой, те слетели с петель, и он исчез во вновь открывшемся коридоре.

– Идите наверх, добейте там личей! – прокричал Некатор своим, когда ему уже помогли встать.

– Числом его не возьмешь, он мой! – С этими словами, выхватив посеребренный меч, телохранитель Карла рванулся в соседнюю залу.

– Что встали? Давайте, хватайте товарищей за ноги и наверх, – взял на себя руководство Рено, – и вы пятеро туда, на винтовую лестницу!

Некатор влетел в комнату следом за некромантом. Тот обернулся, магией сорвал со стены, где висела большая коллекция оружия, огромную алебарду и, перехватив её двумя руками, ринулся на противника. Удар, ещё удар, некромант ловко уходил от клинка Некатора, и тот лишь чуть-чуть подрезал длинную бороду Кип-де-Зула. Некромант ещё умудрялся магией швырять в него какие-то предметы. Это был кабинет и комнаты вечернего отдыха герцога, темно-красные стены оттеняли её от общего серо-белого цвета внутреннего убранства дворца. Разлетелась от удара алебардой дорогая восточная ваза, меч махнул и вспорол лишь воздух. Некромант отступал к другим дверям. Некатор вспомнил, что это путь к кухне, а там и до лестницы в скотные загоны недалеко. Он хочет уйти!

Браслеты! Он снял их с герцога! – понял Кип-де-Зул, глядя на руки противника, значит, Карл наверняка мертв.

Они бились и вылетели через короткий коридор в деревянную пристройку. Выпадая и защищаясь, противники пробежались вдоль кухни и оказались там, где хранилось сено для коров и коз, что круглый год держались здесь, чтобы в самый лютый мороз попасть на стол владыки Тамил-Азота. Это были задворки замка.

Кип-де-Зул замахнулся и ударил излишне сильно. Алебарда застряла в деревянной стене барака. Некатор один-другой раз ударил по древку, некромант чуть не лишился кистей рук, отдернулся. Палка треснула и сломалась, сыпанула щепками. Пока Кип-де-Зул осматривался в поисках нового оружия, телохранитель герцога успел ранить его в левое плечо. Меч застрял в легком полуамальгановом доспехе и сам вырвался из рук рыцаря. Лицо некроманта исказила гримаса боли, он отшатнулся к перилам, что нависали над скирдами сена и проходами внизу. Из плеча пошел голубоватый дым и по доспеху, одежам потекла струйка липкой черной крови.

Кип-де-Зул схватился рукой за лезвие и вырвал меч из раны, он мог перемахнуть через перила, хотел скрыться внизу. Он попятился, а Некатор уже выхватил из-за пояса два коротких серебряных кинжала.

– За что ты так меня ненавидишь, ведь я могу дать тебе бессмертие? – в голосе некроманта был не гнев, а мольба, он как-то весь сжался и на вид ослабел.

– Мне ничего не нужно ни от тебя, ни от твоих хозяев. Я хочу, чтобы и вы, и Арагон оставили нас в покое! Чтобы убирались в преисподнюю и те, и другие! – плавно наступал он на прижатого к тупику некроманта. Это была смотровая площадка, откуда герцог выбирал себе незаконно пригнанных лошадей, а повара лучший скот на убой.

– Ты меня не понял, – грустно ответил Кип-де-Зул. Он взмахнул рукой и голой кистью перерубил толстую деревянную опору. На шести подобных других столбах держалась вся конструкция. Дерево треснуло, верх столба выпал из полости в потолке, выгнулись доски пола... Весь навес повело, он не выдержал и обвалился вниз со страшным грохотом, поднимая тучи пыли, сена, досок, с громким скрежетом перевернулись какие-то грязные сгруженные у стены корыта... Некатор упал и покатился по уходящему из-под ног полу.

Наконец, когда все стихло, он видел лишь кучу сена перед собой и чувствовал, что ноги придавлены грудой обломков. Пальцами он шевелить мог – слава Велесу, хоть ноги целы! Рыцарь огляделся по сторонам, никого не было. В руках он по-прежнему сжимал посеребренный кинжал. На другом конце барака слышался какой-то шорох, скрип закрываемой двери.

– Помогите, помогите, кто-нибудь! – гордому стражу все-таки пришлось звать на помощь.

Когда Кип-де-Зул оказался снаружи, то сразу же чуть не расстался с жизнью. Весь сад дворца был полон как будто оживших золотых статуй. И все были на одно лицо – золотые големы! И точно, в астрале некромант чувствовал, что сильный колдун, воин света во главе этого легиона уже прибывает. Сейчас его заметят и конец. Кип-де-Зул рванулся внутрь. Он бежал по каким-то грязным сараям, баракам. Неприятным задворкам сияющего роскошью дворца герцога Карла и тут почувствовал астральный толчок. Глухо лопнуло где-то в подвалах здания брошенное личами тело демона. Значит, белый совсем близко.

Что же делать? Некромант был напуган, первый раз в жизни он попал в такую ситуацию. Это было даже страшнее того дня, когда Нагаш убивал посла Даса. Пока некромант переживал, почти на четвереньках пролезая по какой-то надстройке казарм, он увидел, что големы ровным строем прочесывают окрестности замка.

Он был на самом дальнем конце комплекса. Над ним, закрывая небо, нависала гладкая восьмисотярдовая стена отвесной скалы, кругом враги. Наверняка они уже разгромили его лабораторию – весь труд впустую! Он видел, как, изрубленные големами, пали защитники виверн у сторожевого камня. Теперь уйти было невозможно. И вдруг гнилая крыша под ногами некроманта проломилась. Он полетел вниз, в какой-то темный холодный провал, откуда разило непереносимым зловонием.

Всхлип, тишина и смрад, Кип-де-Зул почувствовал, что вцепился руками в край ямы, заполненной густой жижей. Неужели это выгребная яма?! Отхожее место целой казармы гвардейцев! Он быстро сотворил вокруг себя непроницаемый блок, но одежда уже успела здорово пропитаться местным зловонием. Оглядевшись в реальности и астрале, некромант понял, что действительно попал в старую выгребную яму. Проход сюда заколотили досками и не стали закапывать, видно, ждали визита местных золотарей. Несколько минут ничего не происходило. Потом раздались шаги, три голема обыскивали казарму.

* * *

Келлсар, белый маг-воин, приближенный ученик истинного мага Даремифа прибыл на пегасе и в первую очередь направился осмотреть тело взорванного демона. Поначалу он решил,

что это и есть глава некромантского подполья. Только спустя полчаса чародею встретился барон Рено и рассказал, кто затаился на территории верхнего города. Кип-де-Зул к тому времени сотворил заклятие расслоения, очень трудное к поддержанию. Оно размазывало астральный образ и не давало обнаружить даже очень сильного чародея. Нагаш научил своего ученика этому способу скрыться полсотни лет назад, и первый раз оно пригодилось на практике.

Весь вечер его искали. Некатор, которого откопали из-под обломков на сеновале, был уверен, что некромант где-то здесь. Но даже он не вспомнил о старой забитой выгребной яме в здании гвардейских казарм, где вровень с уровнем фекалий сидел тот, кто ещё сегодня утром обладал полной властью в Тамил-Азоте.

Такого унижения некромант не испытывал никогда.

– Вы дорого за это заплатите, лордаронская мразь! – плевался и скрежетал зубами Кип-де-Зул. Только в середине следующей ночи он все же рискнул подняться на крышу и, оставляя грязные, дурно пахнущие следы, бежал в верхний город.

Случайные прохожие, рискнувшие погулять по улице богачей Тамил-Азота в такой страшный день, видели странного нищего, источавшего ужасный смрад. Но прежде чем люди вызвали стражу, тот забрался на каменные перила смотровой площадки и спрыгнул вниз.

Восемьдесят ярдов отвесной пропасти были бы гибелью для любого, но не для чародея такого уровня. У самой земли он обратился к магии воздуха, создал себе подушку, которая приняла на себя весь удар его тела. Кип-де-Зул приземлился на четвереньки, отер руки о землю и, бросив полный ненависти взгляд на сиявший огнями верхний город, побежал вперед по узким неосвещенным улочкам ремесленного квартала.

Только утром, когда Келлсар на пегасе с воздуха осматривал верхний город Тамил-Азота, обнаружилась дыра на крыше одного здания между замком и казармой. От неё по саду петлял грязный след, где гвардейцы нашли обрывки зловонных одежд на остриях оград.

– Ушёл, – мрачно сплюнул Некатор, – я виноват, тогда мог добить его, но некромант своими речами помутил рассудок!

– Нежить труслива, он не вернется, – высокомерно заметил Келлсар. – Очень скоро ему и его хозяевам придет конец.

– Надеюсь, – тревожно глядя на густой лес, тянувшийся к югу до самых гор, ответил новый наместник Лордарона Некатор Селл.

Южный Кревланд, окрестности Дрегонспира. То же время

С тяжелым сердцем ехал Синкат к шатру орочьего короля. Даже простые воины, встречавшиеся на пути, кидали ему вслед взгляды, полные ненависти и отчаяния. Он ожидал увидеть Крага Хака хмурым и озлобленным, но дело оказалось ещё хуже. Орк встретил его бесстрастным молчанием. Затем, выдержав паузу, спросил:

– Ты слышал новость?

– Какую? Я два дня в седле и не покидал передовых отрядов, встречающих эльфов. Я вот этими руками несколько дней назад убил дракона и, как видишь, немного не поспеваю за придворными сплетнями.

– Я тебя ни в чем не обвиняю, – так же холодно сказал старый орк.

– Так вот, Тазар отозвал своих людей и стягивает их к Бооссу. Он захватит столицу и объявит себя королем.

– Не посмеет.

– Он больше не боится мифического гнева твоих покровителей, Синкат. Как и другие. Похоже, только я да Брудерлинген ещё верим в то, что из этой авантюры выйдет что-то путное...

– Где сейчас Тазар? – спросил Синкат. Он понял, что положение серьезно усложнилось, если Краг Хак потеряет трон, его миссия будет считаться Моандором проваленной.

– Он здесь, в лагере, агитирует других, даже не стесняясь меня. Я вот думаю, убить его или оставить, что посоветуешь?! – орк презрительно хмыкнул. Было ясно, он ждет не только совета, но и действия.

– Убить его будет нелегко, генерал не дурак, чтобы не понимать опасности. Я могу только поговорить с ним и сделаю это прямо сейчас, но прошу вас, ваше величество, не предпринимайте ничего без моего уведомления, это очень серьезно.

– А-а-а, в тебе проснулся дипломат, сговориться с ним хочешь за моей спиной?

Орк весь затрясся, но вот взял себя в руки и, поглаживая дрожащими руками седую бороду, подошел к своим личным вещам, сваленным в походном беспорядке в углу шатра.

– Пойми, Синкат, если я потеряю власть, тебе очень сложно будет остаться в Кревланде, да и вообще остаться в живых. У тебя много врагов, даже больше, чем ты думаешь!

Вон как заговорил, Синкату вдруг дико захотелось вырвать ему кадык. Мразь, столько лет мучает здесь всех, убивает, грабит, без цели, без морали, без смысла! Трутень кровавый, а мне ещё советы дает, ублюдок! Ярость чуть не овладела им, но чародей смирился и хрустнул костяшками пальцев.

– Я повторяю, ваше величество, вы не должны принимать скоропалительных решений, которые помешают... погубят меня и вас!

Казалось, Краг Хак не расслышал. Он перебирал ремешки на трофейном доспехе, отделанном золотом и белой костью, видимо из перебитого азахарейского каравана.

– Я обещаю, что сегодня вечером Тазар придет сюда и будет просить мира! Пообещайте не унижать, а согласиться с его требованиями, они будут невелики. Уверен, он не будет просить боосского трона.

– Ты сходи, разведай, а если он вдруг захочет говорить, я как-нибудь сам разберусь, что делать, – сухо ответил орк. Он отвернулся от телохранителя и продолжил копаться в своем бардаке.

Синкат чуть не вспылil, но вновь сдержался и вышел на улицу, резко одернув за собой полог.

Какая же дрянь этот мир, думал он. Всюду одно и то же: ложь, коварство, жестокость. Люди, орки, нежить, белые, эльфы и гномы – все грызут друг друга, как волки. Нет ничего, чтобы их объединяло. И некуда от этого бежать! Всюду, всюду одно и то же – пустота дней и отчаяние, бессмысленность...

Обыватели живут одним днем, не видят дальше собственного носа, проблемы соседней улицы – все равно, что другого конца земли! Все смирились, никому ничего не нужно! Марионетки, ничтожные пешки *истинных*, а тех интересуют лишь собственные персоны. Темный совет – в них не осталось ничего человеческого. Пауки в банке, Синката выводило из себя собственное бессилие. Он мог расколоть гору, мог взлететь или обрести бессмертие, но он не мог *переделать этих людей вокруг*, не мог!

Где же другая земля? Где все живут, хотя бы в десять раз меньше злоумышляя друг против друга, пишут меньше доносов и не стреляют в спину?!

Чародей шел в большом смятении духа, когда обгонявший его разъезд всадников волколаков остановился перед ним.

– Лорд Синкат, нам велено передать это, – один из всадников протянул огромную зеленую лапу, в ней был перстень темного камня. – Человек, давший это, сказал, что будет ждать вас в полдень в лесу, у развилки, где каменный палец.

– Он представился?

– Нет, сказал, вы все поймете!

Перстень нойонов, думал Синкат. Может, Кип-де-Зул? Нет, он не мог поспеть сюда из далекого Тамил-Азота. Потом, у него другие связи при дворе, ему покровительствует Брудер-

линген, и он не стал бы таиться. Эти орки не лгут, это не покушение. На них чувствовался след от разговора. Чары, но какие-то не наши, скорее светлые, эльфийские.

Но от кого из эльфов можно получить нойонский перстень?! Может, ловушка, засада и смерть от белых? Сейчас Синкат был бы рад сразиться хоть с кем-нибудь, в нем накопилось слишком много скрытой ярости, и он с удовольствием выплеснул бы её на любого. Но сперва Тазар, надо разобраться с ним. Без особого труда он разыскал в лагере шатер под бунчуком клана Рокварена. Именно из этого города был родом лучший воин и полководец из числа людей Кревланда.

– Вы видели генерала Тазара? Он мне нужен! – обратился Синкат к охране ближайшего круга, преградившей ему дорогу к шатру.

– Генерала сейчас нет в лагере. Он уехал к восточному перевалу, встречать отряд добровольцев, готовый примкнуть к нам. Воины боготворят Тазара. Он герой, не то что трусливые орки! – заявил ему глава стражи.

– Значит, мне бесполезно ждать его здесь до вечера?

– Именно так, лорд Синкат!

Хотя бы обращаются уважительно, подумал расстроившийся чародей. Значит, придется ехать на ту встречу, так и не решив эту проблему. Могут возникнуть новые, плодить их – хуже нет ничего...

Синкат задумчиво глядел под ноги и, лишь кивком отвечая на приветствия узнававших его варваров, шел по тропе, что вела к лесу. Там, в двух милях севернее лагеря, была развилка дорог к Бооссу и на плато Баттлменш. Неподалеку от развилки была одинокая скала, будто заброшенная в лес какой-то невиданной силой. Говорили, что это был кусок камня, давно извергнутого нависавшим над долиной вулканом. Ныне огненная гора с оплавленной, провалившейся вершиной врезалась в небо чуть западнее их лагеря. Где-то там на его склоне была похоронена лаборатория Кип-де-Зула. Там погиб посол Дас. Эта скала была известна на картах как «каменный сиделец», так как снизу она была похожа на фигуру человека, поджавшего ноги и сгорбившегося над чем-то. Раньше у неё было капище, но многочисленные походы местных вождей друг на друга разорили его столетия назад.

Синкат сошел с дороги, по которой тянулся бесконечный орочий обоз, и по узкой тропе направился прямо к святилищу. Кто его ждет? После тревожного сигнала Кип-де-Зула он понимал, армии света и верхушка белых решили жестко зачистить все малые страны от влияния его – Синката, учителей. Возможно, это лишний повод начать войну. Они все извращают в свою пользу, зачаровывали людей столетиями. Мерзкая кодла лживых седобородых старцев. Мразь! Ярость кипела в крови чародея, когда он вспоминал тяжелую катастрофу, постигшую родной мир. Гибель родителей в огне взрыва.

Из-за них искали тероморф. Из-за возникшей спеси и гордыни, из-за желания сравняться с белыми и править миром, его отец Гуннар Гарди потерял контроль над собой. Все это привело к гибели зарождавшегося круга сумрака, разрушению острова Зейлот. Нойоны, конечно, тоже не идеальны. Скорее всего, это они убили Даса, чтобы он не распространялся об их секретах. Он слишком много знал. Посол знал о тероморфе куда больше, чем Аджит, и теперь он мертв. А теперь и я *знаю*, неожиданно понял Синкат. Все, *кто знал* о тероморфе, или погибли, или пропали: его отец, Дас, Малькольм-воин, Малегир. Теперь он и Аджит знают хоть что-то об этой трагедии, о несостоявшейся силе сумеречных. Ему вспомнились слова Моандора: «Незнание продлевает никчемную жизнь. Знание дает цели, но так же быстро сокращает время, данное для их достижения...»

Думая обо всем этом, маг сумрака уже почти обошел кругом «каменного сидельца», как вдруг заметил неожиданное, странное явление. Основание глыбы уже давно обросло мхом. Вокруг то тут, то там лежали полуистлевшие стволы павших деревьев. И вот посреди этой девственной природы находилась площадка со следами действия людей. Это было старое капище.

Каменные, ровные плиты поросли мхом и травой, жалкое подобие идолов было высечено из боковой части скалы. Обвалившийся жертвенник, опутанный ползучей растительностью, был занесен павшей листвой. И вот, в тени многоствольного фикуса, чуть правее грубого древнего алтаря, стояла статуя фантастически четкой, изящной работы, будто выполненная утонченным древним эстетом Рейхавенской школы, выменявшим за неё свою душу.

Статуя отображала эльфа в походном плаще. Его руки казались в каком-то порыве, вот-вот шевельнутся и протянутся к гостю. Пальцы, скулы, открытые глаза, застывшее движение было выполнено с удивительной четкостью, тут не было ни одной неверной пропорции. Синкат не мог ошибиться, в древнем капище стоял неуловимый ароматический след магии. Это была сила земли, и тут эта статуя. Он много слышал, что для маскировки используют самые невероятные вещи. Истинные маги могут разделять сознание на части и вкладывать его в тела других, иногда совершенно незаметно для носителей. Слышал он и о каменной коже, маскировке под статую, которую почти невозможно нащупать в астрале. Применивший такое колдовство надолго задерживал дыхание и остальные процессы, протекавшие в его теле, жил лишь на силе астрала. Перед ним явно окаменевший эльф. Уж кого он ожидал здесь увидеть, так точно не авлийца. Может, все-таки ловушка? Синкат пристальнее осмотрелся в астрале.

Нет, точно, на расстоянии в добрую милю вокруг не было ни одного крупного колдуна. Лишь жалкие шаманы в орочьем лагере. Подождав ещё минуту, маг вытащил из кармашка черное кольцо, переданное орком.

В астрале было видно, как светящиеся белые латы разлетелись в клочья. На деле статуя моргнула живыми глазами, раз, другой, вдохнула воздух. Грудь эльфа поднялась, и какая-то мельчайшая пыль разлетелась вокруг его фигуры. Авлиец улыбнулся и протянул ему руку.

– Это ваше? – строго спросил маг сумрака.

– Да, моё, – кивнул «каменный гость».

Это тот самый, агент Моандора, мелькнула у Синката мысль.

– Вы знаете, кто я?

– Нет, но раз у вас есть знак связи, значит, я могу вас выслушать. Почему вы не пришли в лагерь сами? Я – высокопоставленный в Кревланде человек, и ваш визит отвлекает меня от тысячи дел в это нелегкое время!

– Ответ в вашем вопросе. Мое имя им слишком известно, чтобы я мог пройти в лагерь Крага Хака и выйти живым. Вы сами тысячу раз обо мне слышали, неужели не запомнили лица? Я Тойранад, бывший первый советник короля Гирда Смелого. Теперь меня чаще зовут здесь Тойранад-расхититель...

Синкат был поражен, действительно, перед направлением сюда из Агону ему показывали лица всех, с кем ему, возможно, пришлось бы работать, давали читать обширнейшие биографии на каждого крупного вождя, на всех колдунов, действовавших в стране варваров. Так он тогда узнал об отшельничестве Аджиты. Но лица Тойранада там не было. О нем говорили как об опасном агенте Арагона, телохранителе и приспешнике их ставленника Гирда Смелого, марионеточного вождя в руках Светлого круга. И вот он, этот гордый эльф, надевает нойонское кольцо. Оно настоящее, в этом сомнений нет, но – подлинный ли это Тойранад?

Если эльф настоящий, тогда значит, планы истинных в Кревланде были гораздо обширнее, чем я предполагал, и возвышение Крага Хака было лишь очередным звеном в цепи действий, контролируемых его учителем... – думал Синкат. Значит, они всё знали. Осознанно гнали орков на эту бойню в Эрафию, чтобы вызвать ответный удар и непропорциональное применение силы. Бессмертные провоцировали Арагон, и они: Синкат с орочьим королем, прекрасно справились со своей ролью, ролью приманки. Его использовали вслепую и могут теперь избавиться, как от ненужного инструмента.

Все эти мысли ураганом пронесли в голове мага. Эх, Гримли, глупый мальчишка, почему ты не сдался в Карстольд? Не пошел со мной к Аджиту, мы бы уже все знали, по крайней мере, много больше, чем сейчас.

Тойранад надел перстень и, видя, сколь сильно озадачен его ответом маг, продолжил:

– Я вам доверяю, так как знаю, вы напрямую можете передать информацию в Агону и Колдсоул.

– Откуда вы знаете, что я могу? – Все астральные силы Синката напряглись, они сверлили мысли эльфа щупальцами дознания.

– Я не враг, я друг и союзник Темного круга! Ты можешь видеть мои мысли, в них нет блоков. Я открыт, хотя мог бы устроить тебе хорошую взбучку, бывший воин сумрака!

– Почему бывший?

– Потому, что ваш мир, – эльф скорчил презрительную гримасу и развел руками, – раз – и нет! Это, кажется, твоя главная эмоция, я соболезнаю твоему отцу... – Глаза Тойранад нагло встали.

Они что, сегодня сговорились весь день бесить меня? Если так дальше пойдет, я его сейчас подпалю! – Синкат боролся с собой и все же держался в норме и точно видел, сейчас эльф не врет. Он тот самый Тойранад из Рейхавена, расхититель боосской казны, враг всего Кревланда. Убить его сейчас проще простого, а он ещё и хамит. Вот мразь, своих-то предал, думал Синкат.

Эльф быстро рассказал ему о встрече на тропе над плато Камолло.

– И кто этот ваш патрон с Севера?

– Не поверите, *сам не знаю*. Каким-то образом он ворует куски моей памяти, хитрое арагонское заклятие, вспоминаешь его и чувствуешь боль. Чем лучше вспоминаешь, тем больнее, вспомню точно – сразу умру! Он обещал снять заклятие, как только *мы* победим.

– Да, *мы*, – отвлеченно повторил Синкат. – Хорошо бы знать, кто такие эти – *мы* для него. Что ваш могущественный патрон просил меня сделать?

– Передать это, – Тойранад извлек информ-кристалл, – он сказал, тут сообщение, которое могут прочесть лишь истинные. Я знаю адресата, это один из членов Темного совета по имени Моандор.

Синкат похолодел, имя учителя по-прежнему ввергало его в трепет. Если нужно отдать кристалл в руки нойона, то надо туда лететь, а значит все, все его мысли, все разговоры с Аджитом как на ладони у безжалостного темного владыки. Даже если он простит, то наверняка даст задание, из которого нельзя будет вернуться живым.

Он взял кристалл и спрятал его.

– А сколь скоро я должен передать это, тебе давали какой-то срок?

Эльф чуть поморщился, ему больше нравилось общаться на «вы».

– Передать нужно как можно скорее, отложив все прочие дела! Это связано с войной, которую вы чувствуете на своей шкуре!

– О да, эти ваши лучники наводят шороху в местных лесах!

– Я должен идти, – Тойранад отошел от Синката в сторону леса и на ходу перебирал руками какие-то обвислые ползучие растения. Вел себя показательно беззаботно, будто он уже не первый преступник в королевстве, которого все ищут, а просто заезжий гость с запада.

– Меня тут разве что деревья не ловят. Теперь все в ваших руках, и груза ответственности на мне нет! Надеюсь, ещё встретимся после победы! – он отступал вглубь леса.

– Удачи! – не сходя с места, крикнул Синкат. Эльф шел, шел, пока зеленый плащ полностью не скрыл его среди зарослей. Синкат ещё раз проверил астрал, эльф творил расслоение и уходил осторожно, безо всяких следов.

Вот тебе раз. Не было печали, но маги подкачали! – была такая поговорка на острове Зейлот. Он вернулся на тропу и брел назад к лагерю, куда должен был вернуться Тазар. Суме-

речный был задумчив, и даже налет грифоновых всадников и бомбардировка дороги не сбивали его с мыслей. Синкат убил магией трех грифонов, остальные десять позорно бежали, как обычно переоценив его силы.

Вернувшись в восточную часть лагеря, он убедился, что Тазар будет ещё не скоро, и выехал обратно к шатру Крага Хака. Там все было по-прежнему, шел разнос. Король орков был недоволен тем, что ночью придется опять сниматься с лагеря. Иначе бой с армией эльфов был неизбежен.

– Когда верные части придут к Тазару? – разводя руками, вопрошал Краг Хак.

– Сколько можно отступать?! Неужели даже здесь, в наших родных горах, где знаком каждый куст, каждая тропа, мы не можем остановить эту авлийскую сволочь? Этих рыцарей-разбойников?

Понурые орочьи генералы не смели поднять глаза. Синкат ничего не стал говорить. Он скрылся за портьерой и прошел между охранниками в свой шатер. Там достал перстень и устройство связи, которое, казалось, ещё не остыло от канала Кип-де-Зула, и стал пытаться настроить канал на связь с Колдсоулом. В астрале серьезно чувствовался белый ветер. Если нас окружают, то на одну передачу все силы уйдут, думал Синкат.

Между тем канал все не открывался, и лишь спустя пару часов бесплодных попыток, когда его рука уже болела и ныла от каменного кольца, экран из стааха прояснился, и он увидел лича из информационного центра. У них у всех одинаковые лица, но чародей узнал его. Как-никак, десять лет, проведенных в Колдсоуле, не прошли даром. Он узнал и эту комнату и вещи за спиной лича. Ничего не изменилось.

– Позови старшего по связи, – приказал чародей. Лич ответил, что Шакти-миноец занят.

– Позови срочно! Скажи, у меня дело высшей важности, – Синкат знал, что Моандор мог легко перехватить в астрале любой канал связи, как входящей, так и исходящей. Вклинится, прослушать и даже вступить в полемику с говорившими.

Лич куда-то исчез, экран поблек, пошел полосами и волнами, серыми искрящимися молниями. Наконец изображение снова восстановилось, и Синкат узнал минойца Шакти с бычьей головой. Он чем-то напоминал отца. Синкат, будучи сыном минойца, со всеми человеческими чертами никогда не испытывал того отвращения к этим существам, какое было свойственно большинству людей в Эрафии, Таталии и Лордароне.

– Что случилось, старый друг? – спросил он.

Синкат уже продумал этот разговор. Он объяснил, что ситуация в армии Кревланда близка к катастрофе. В его отсутствие здесь все перегрызутся. Краг Хак с трудом контролирует треть войска. Ещё треть контролирует Брудерлинген, он отступил к своей твердыне Дрегонспиру и оттуда будет помогать какими-то вылазками, придет на помощь, только если увидит победу. Тазар и его люди ещё с третью войска готовы покинуть короля в любой момент.

– Я уже несколько дней веду здесь примирительные переговоры, – преувеличил Синкат, – но информация, что мне передали, особо важна для учителя.

– Моандор сейчас не в Колдсоуле. Истинные собираются на совет в Агону. Очень скоро сюда прибудет Дракис, он теперь исполняет все обязанности в отсутствие владыки.

– Вон как взлетел. Голова не кружится? – смешливо заметил Синкат. Вообще в Колдсоуле шутить было не принято, тем более об истинных и их учениках.

Шакти ослабил бычью челюстью и высоким голосом заметил:

– Могу отправить тебе лича, но это не так-то просто.

– Это не терпит отлагательств. Ты должен взять Дракона-духа, это безопаснее всего, и немедленно прибыть сюда!

– Но кто останется вместо меня?

– Подумай лучше, что будет, если меня завтра убьют! Эльфы со дня на день перебьют всю эту орочью свору! Думаю так, как прежде в Эрафии, нам не повезет. Я могу погибнуть, а

этот кристалл попадет в Арагон. Представь, что сделает учитель, если узнает, что из-за нашей нерасторопности мы выдали Белому кругу его самого верного агента?! – тут Синкат кратко пересказал встречу с Тойранадом.

– Он нас убьет, – коротко резюмировал миноец.

– В лучшем случае. Я хочу жить, но и провалить задание в Кревланде тоже не хочу! Я уверен, тут ещё не все потеряно. Нужно держаться до полной победы или полного поражения. Что скажешь?!

– Я сейчас закончу дела и вылетаю. Твой сигнал хорошо тебя обнаружил, более-менее четко. Сколько вы пробудете в лагере?

– День, может два, не больше.

– Если лететь в обход эльфов через горы, это двенадцать часов. Ты продержишься?

– Конечно, я дам сигнал, если эти территории уже будут заняты Улафием.

– Что же, эта экспедиция прекрасно разбавит скучное сидение в этой башне.

– Зря так говоришь, вот я хотел променять ваш покой на риск, и теперь наелся им вволю!

Значит, завтра жду тебя здесь в середине дня!

– Если я задержусь, то дам тебе знать!

– Благодарю, Шакти!

– Слава Хаиду!

– Слава Хаиду! – вскинул руку Синкат.

Придется держаться ещё один день. Целые сутки! Насвистывая какую-то орочью песню, Синкат вышел из шатра и вновь двинулся в сторону лагеря людей. Когда же он прибудет, этот Тазар?! Любой ценой надо было уговорить его. Ведь он полководец, а полководцев манит победа. Вот только обещание победы уже не пройдет. Ему не верят, значит, надо говорить правду. Люди очень высоко ценят искренность. Синкат шел и думал, какую именно правду хотел бы от него услышать этот старый и опытный воин.

Он подъехал к охране из клана Тазара и не слезал с коня даже тогда, когда его попросили об этом.

– Да, Тазар только что прибыл, но у него совет с руководителями Кревландского сопротивления.

– Сообщите генералу, что у меня приказ короля – немедленно переговорить с ним!

– У него совет, – выставили вперед пики, чуть не ранив лошадь мага, охранники шатра. И все же офицер стражи побежал внутрь и исчез там на пару минут. Синкат насквозь видел шатер, там было восемь человек. Трех из них он не знал, вероятно, это были вожди новых отрядов. Как говорили в орочьей половине лагеря, к Тазару прибыло до десяти тысяч отлично вооруженных воинов. В шатре ожесточенно спорили, затем семеро гостей вышли, а задний полог был откинут стражей, указывая на то, что его ждут. Только тут Синкат спешил и подтянул сползший на бедра пояс с саблей. Это оружие ему подарил Аджит, по его словам, сталь была закалена гладиусом белого мага несколько сотен лет назад.

– Так и не бросил прислуживать зеленокожим? – бросил ему вслед стражник, державший полог.

– Я служу нойонам, – ответил Синкат и выдохнул, вложив в свое дыхание ауру ужаса. Стражник отшатнулся, будто сама смерть посмотрела ему в глаза. Волосы встали дыбом, он выронил щит, на который опирался, и с криком бросился в глубину лагеря. Щит громко хрястнул о землю, обдав сапоги чародея коричневой пудрой грязи. Второй страж чуть не испачкал свой доспех изнутри, когда Синкат просто подмигнул ему.

Маг вошел внутрь.

– Рад видеть вас, Тазар, вы не раз доказывали свою доблесть в сражениях и мудрость в решении дел внешних и внутренних, с войной не связанных. Вы всегда хотели благополучия

для всего Кревланда, а не для кучки правителей, за что вас так любит народ. Почему и идет за вами. Поэтому я здесь!

Все время этого вежливого приветствия генерал сидел на аскетичном стуле, совсем не похожем на позолоченный трон драконьей кости. Пальцы, эти узловатые пальцы с седыми волосками перебирали отверстия на половинке лезвия огромного топора. Кольца в отверстиях немного побрякивали. Взгляд его больших голубых глаз бегал по ногам и одежде гостя. Как они похожи с Крагом Хаком внешне и как различны внутренне. Круг Хак знал, что поход закончится провалом, знал для себя. Я обманывал не его, а как раз таких, как Тазар. Генерал сам тогда говорил, что идет не грабить, а освобождать большие равнины от рыцарей и церкви Велеса. Осада Кастелатуса до сих пор стояла перед глазами Тазара, и Синкат это чувствовал.

– Как ты думаешь, за что я боролся там, в Эрафии?

– Вы всегда поступали мудро, – уклонился от ответа Синкат.

– Едва ли, если бы поступал мудро, мы бы не оказались в этой заднице...

– Огромная вина лежит лично на мне. Я неверно вас информировал. Подвел всех здесь, но только потому, что сам являюсь инструментом в чужих руках.

– О, какое самобичевание, если ты хочешь меня разжалобить, то напрасно.

– Я просто констатирую факт! – Синкат, наконец, перестал стоять на пороге и прошел в центр шатра, сел на топчан, где только что сидел один из подчиненных Тазара.

– Я пришел к вам не открывать душу и не посыпать голову пеплом!

– А зачем? – ухмыльнулся Тазар. Ему было смешно смотреть на показную нерешительность могущественного чародея.

– Я хочу предложить вам не рвать отношения с Крагом Хаком. Несмотря на то что я полностью вас понимаю и не спорю с тем, что вы имеете на полное право возмутиться!

– Ты не ответил на мой вопрос, – жестко осадил его генерал, – что, по-твоему, я делал в Эрафии, за что рисковал жизнью?

– Вы рассчитывали или на удачу, или на неудачу. Вы опытный командир, и могли извлечь выгоду из обоих исходов.

– Именно. Я сразу подумал, что ты не сдержишь слова, Синкат.

– Честно говоря, в самом начале, два года назад, я был уверен, что поход станет частью нашего общего наступления. Лишь совсем недавно я понял, как заблуждался.

– Я тоже не так давно это понял, но вы! – Голубые глаза блеснули. – Ты и твои покровители нойоны погубили множество людей и орков просто так, ради мелкой затеи!

– Не мелкой. Это часть большого плана, который не доступен мне в своей целостности.

– Говори проще. Ты предал нас только для того, чтобы создать иллюзию атаки. Чтобы люди, эльфы и белые маги, прах их побери, начали, наконец, шевелиться! Это все, что вам было нужно. И я это знал, в отличие от орка...

Синкат прекрасно понял, о ком он говорит.

– Возможно, он тоже догадывался, – рассуждал генерал, – но все равно как-то мистически верил в твои слова. Так что извиняйся не передо мной, а перед ними!

– Я знал, на что иду. Знал свои сильные и слабые стороны. Знал, что проиграем, знал, что надо сохранить костяк армии. Так что видишь, я предавал своих людей бесполезной гибели, так же как и ты. И моим воинам также не за что меня благодарить. Как ты сказал в самом начале...

– Раз вы сами признаете, что положение не из лучших, может, вы все же выслушаете мое предложение?

– Выслушай сперва ты. Я не верю ни в какие твои обещания. Ты же сам признал, тобой манипулируют, ты можешь солгать мне не по своему злему умыслу, а согласно чьему-то плану...

– А я думаю, – чародей нагло улыбнулся в лицо суровому генералу, – вы согласитесь. Вы человек умный и дальновидный. От выгодной сделки вам сложно будет отказаться. Я прошу вас на месяц примириться с Крагом Хаком. Сейчас как раз *белое полнолуние*, будет легко считать дни. Нужно просто прийти к нему на совет, наконец, ответив на приглашение. Нужно сейчас, этим вечером прийти к нему в шатер и первому протянуть руку дружбы.

– А почему ты считаешь, что мне это выгодно? – Тазар улыбнулся. – У меня сейчас в два с половиной раза больше людей, чем у орка, а опытных бойцов вообще десять к одному. Он всех своих в Карстольде уложил. И почему я должен мириться со слабейшим?

– Потому что ваш раскол это война, а война между вами это конец Кревланда! Вернутся эльфы, вернется поганец Тойранад, – скривил губы Синкат, помянув имя своего недавнего собеседника, – они посадят обратно на престол Гирда, а вас обоих заберут в Арагон для промывки мозгов. И вас, и Крага Хака! Поверьте, я знаю больше об их так называемой жалости. Это неизбежно при вашем конфликте, как, впрочем, без него так же. Вас уже ничто не спасет, кроме вмешательства моих хозяев. После нападения на Эрафию в глазах белых вы оба преступники, они не будут искать с вами мира!

– Я так не считаю, – сухо ответил Тазар, – что ещё?

– Даже если вы и сможете с ними примириться и путем огромного унижения вымолите себе жизнь, это будет жизнь раба! Вы никогда уже не станете свободны в своих решениях.

– А с нойонами мы получим свободу? Свободу идти на кладбище, чтобы потом воскреснуть?

– Я не навязываю вам выбор. Факт в том, что в конфликте с орками вам уготована гибель, если не от их ятаганов, то от эльфийских стрел, от Светлого круга! В то же время долго двоевластие терпеть нельзя, я понимаю, что и дисциплина и тактика армии очень сильно зависят от доверия к командиру...

– У меня с этим все в порядке!

– Но у вас лишь половина армии, и силы орков также будут прибывать. Не забывайте о Брудерлингене! Я прошу у вас месяц, чтобы быть вместе, если до этого мои союзники, – это слово ласкало ухо Синката куда больше, чем «хозяева», – мои союзники не отвлекут эльфов и людей, то вы можете смело назвать себя королем Кревланда, и вы им станете, причем без войны.

– Как же я стану королем без войны? Я не могу повредить Крагу Хаку так, чтобы орки не ополчились на меня. Едва ли он сам уступит мне трон.

Синкат встал и подошел к нему совсем близко. Ни один мускул, ни веко не дрогнуло на лице варвара. Он не боялся, и это главное, что нравилось в нем Синкату. Ему казалось, будь здесь не он, а *сам его учитель*, и то Тазар не поклонился бы ему, разве что от боли.

Из-за доспехов, рассеивающих магию, чародей не мог говорить без слов, и потому они замерли, глядя друг другу в глаза, на расстоянии ладони.

– Я *освобожу* трон для вас. Крага Хака не станет. Орки не смогут избрать вождя, равного Крагу Хаку. Брудерлинген ещё не так силен, чтобы подмять под себя остальных. Лордаронской угрозы тоже нет. Я узнал, что Тамил-Азот не сегодня-завтра будет без боя сдан наступающим войскам белых. На трон не будет других претендентов. Боосс станет вашим, и никто из людей не падет в братоубийственной схватке, когда самое время сплотиться перед лицом сильнейшего врага.

– И ты не боишься, что я сообщу Крагу о твоём предложении?

– Я боюсь только провалить задание. К угрозам в мой адрес отношусь как к глуповатой шутке, – отрезал Синкат. – У вас ещё есть месяц, решайтесь! За это время исчезнут либо внутренние враги, либо внешние. Постарайтесь за это время не поджечь ваш собственный дом!

– Что будет, если я откажусь?

– Я пойду к Крагу Хаку и скажу, что договориться не удалось, – чародей ухмыльнулся и поправил длинные седеющие волосы. Он был истинным учеником Моандора. Его детищем предстал молодой сумеречный маг в тот момент. Тазар понял без единого слова, что Краг Хак не давал никаких приказов, чародей пришел сам и обещал через месяц сделать с королем орков то, что может *сейчас* сделать с ним. Тазар отлично понимал, никакие доспехи не спасут, если Синкат решится сейчас его убить. Для поддержания власти в Кревланде ему был нужен союзник, нужен был опытный жестокий колдун. Генерал встал и отложил топор в угол шатра.

– Если через месяц ничего не изменится и Краг Хак все ещё будет королем, ты знаешь, что я сделаю?

– Знаю, и не буду избегать этого.

– Хорошо, – старый воин улыбнулся через силу, – я сейчас пойду с тобой к орку и принимаю твои условия, – он протянул Синкату руку, и тот крепко пожал её.

Все соратники Тазара, которым пришлось покинуть шатер генерала, грелись у костра, о чем-то споря между собой и с охранниками.

– Принесите поросенка, надо чем-то заесть эту огненную воду! – крикнул кто-то, и тут из центрального входа появился их вождь в сопровождении Синката.

Все сразу затихли, они знали, что генерал как мог старался сохранить в своих отрядах «сухой закон». Его слова «Дайте коня, я еду в ставку короля» – поразили всех больше, чем ожидавшаяся гневная отповедь о содержимом их бурдюков.

– А совет? Наши планы?

– Всё откладывается! Готовьтесь к бою, а не пьянствуйте, – бросил генерал, – завтра мы пощипаем перья этим грифоновцам. Зажравшиеся эрафийские рыцари получают хороший урок нашего мужества!

– Действительно, – заметил Синкат на обратной дороге в орочий лагерь, – войска эльфов и людей сильно растянулись из-за погони. Авангарды устали, а наши силы, наоборот, прибывают. Вы планируете контратаку?

– Пока я планирую помириться с королем орков, – не глядя на чародея, ответил Тазар.

Синкат первым вошел в шатер Крага Хака, тот что-то выговаривал одному из старших подчиненных уруков, не из числа вождей.

– До чего вы довели? Я просил, чтобы с неё не спускали глаз. Она ушла от вас в Лордароне, ушла тут в Кревланде, где она теперь? Скажи, идиот, где в Эрафии, в Таталии?!

– А вот и ты! – размашисто обратился к советнику старый орк. – Представляешь, та девка, о которой я говорил, беглая акробатка Шива... Дрянь! Я ей денег дал, людей вернул верных, и она, взяв Гирда в плен, сбежала. Хочет вернуть его под крыло эльфийских хозяев за крупный выкуп. Паршивая сука! Тойранаду тоже удалось где-то скрыться!

Орк был в гневе, с него лил пот, небольшая седоватая борода слиплась. Он то и дело тер глаза толстыми, усаженными перстнями пальцами.

– Без сомнения, она заслуживает наказания за измену, лорд, но позвольте нам остаться наедине с вами. Со мной важный и редкий для этого места гость.

Краг Хак сделал пасс рукой, и орк исчез вместе со своим свитком донесений. Задний полог шатра откинулся, и вошел Тазар. Краг Хак замер. Он подумал, а если они сейчас его вдвоем? – Нет, невозможно, король отбросил эту мысль. Синкат верен. Они плывут на одном плоту. В шатре на какое-то время возникла пауза. Она затянулась. Лицо короля приняло сперва глуповатый, а потом прежний, надменный вид. Но Тазар был умен, и даже умнее, чем думал о нем маг сумрака. Он сделал несколько шагов и, пав на одно колено, коснулся губами зеленой руки с белыми волосками и дряхлой кожей.

– Я прибыл к вам, ваше величество, у нас один враг и один бой!

Краг Хак открывал и закрывал глаза, а видение все не пропадало. Да, Синкат все же гений дипломатии, гений, подумал он. Надо его как-нибудь наградить, хотя чего он может ещё желать...

Магу сумрака оставалось лишь улыбнуться.

Спустя сутки они нанесли эльфам первое существенное поражение, уничтожив в узком горном ущелье авангард армии Улафия и отогнав драконов, отправленных эльфами на подмогу. Вечером того дня предвестником новых побед, как говорили простые воины, прямо в их лагерь опустился Дракон-дух, летевший с юго-востока, в обход оккупированных авлийцами территорий. Шакти, глава информационного центра в Колдсоуле, как и обещал, нашел время для старого друга. Синкат передал ему информ-кристалл от Тойранада и рассказал о всех странностях этой встречи. Высказал предположение – не может ли кристалл быть скрытой бомбой?

– Вся опасность сейчас в Агону, на совете, – ответил миноец. Синкат понимающе качнул головой. О коварстве интриг между истинными он знал не понаслышке. Пришлось рассказать и о признании Кип-де-Зула и его позорном бегстве.

– Лордарон полностью потерян. Хотя это дела Нагаша, учитель должен всё знать!

Друзья долго сидели и спорили о положении дел в нойоне и в мире. Как ни пытался Синкат с одной, с другой стороны завести речь о катастрофе их родного острова и загадочной гибели посла Даса, но Шакти все время ловко сменял тему. Он не готов, даже если и понимает, боится думать об этом. А ведь в Агону и Колдсоуле десять тысяч выходцев с Зейлота на самых важных постах. *Если бы все они перестали бояться...* Однако мечты оставались мечтами. Наконец, сияя серебром костей и магией ужаса во тьме ночи, Дракон унес гостя обратно, в земли далекого юга.

В самом конце их разговора Шакти проболтался об одном деле. Через месяц он должен был прибыть сюда на границу с Лордароном и забрать одного верного человека.

– Важное лицо?

– Да нет, мелкая сошка, про важного я бы тебе не сказал, – смеялся миноец. – Какой-то бывший паж короля. Не зомби с вживленным Индризи, а новый, совершенно новый продукт Терминаса.

– Тамикзалла людей не портит, – отшутился Синкат, – так кто же?

– Не то Торгон, не то Торнтон. Должен привезти свою сестру из Энрофа, я их тут забираю. Его потом на задание, её – в темницу. Уверен, Дракис в пять минут разговорит её.

Шакти не мог видеть, как похолодел и сжался изнутри его друг. Синкат понял, что её имя достигло ушей *учителя*. Уже отдан страшный приказ – все из-за того, что он не пленил Гримли. Нойоны уже знают всех, кто дорог этому молодому колдуну и набирают коллекцию заложников.

После отъезда Шакти Синкат почти сутки не показывался на людях, хотя и Краг Хак, и Тазар несколько раз звали его отметить первую победу над эльфами. В конце концов, он решил не торопиться с решениями и посоветоваться с единственным человеком, кому он мог довериться, с Аджитом Мудрым.

Глава 5

Святилище мага Солмира, где-то в восточной Авлии. 8-й путь Лун, 989 год н. э.

Перед лицом Солмира бело-золотистыми деталями интерьера сияли покои мага Ранкха. Все казалось столь натуральным, будто можно встать и войти туда, а не наблюдать через экран связи. Белый маг был в раздумьях, он догадывался о цели визита Алагара и понимал, сколь опасные темы эльф может поднять. Никогда ранее вопрос о доверии друг к другу не ставился в Арагоне столь остро. Другое дело нойоны – там никто никому не верит, и они свыклись с этим за тысячу лет. А тут недоверие было в новинку для Солмира и вызывало крайнее неприятие. Даже подозрения опасны для нашего дела, они подрывают доверие. Подозрение мать обвинения.

Но вот, наконец, в комнату вошел старец с горящим знаком мага огня на верхушке посоха. Ранкх приветствовал дипломата и сказал, что только что совещался с белыми магами Хрезионом и Теодором.

– Верховный стратег опять блеснул своей мудростью? – не без усмешки заметил Солмир.

– Ты зря опускаешься до сарказма. Они закончили *врата*, и я присутствовал при их испытании.

– И что произошло, они ещё с нами? – Солмир не прекращал улыбаться, но это была попытка сохранить хорошую мину при плохой игре.

– Нет, мы просто бросили туда камень. Он исчез, и, как мы предполагали, найти его теперь невозможно.

– Как только смогу, я прибуду в столицу, чтобы лично убедиться в том, что идея Теодора нашла, наконец, реальное воплощение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.